

Семилукский районный совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов

ВОЙНА МОИМИ ГЛАЗАМИ

Воронежская областная типография - издательство имени Е.А. Болховитинова

Воронеж

2020

УДК 94(47+57)»1941/1945»
ББК 63.3(2)622
В-65

Война моими глазами: сб. сост. В.Д. Быкова, Н.М. Хмелевская. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография». – 2020. – 160 с.

Редактор-составитель: Валентина Быкова,
Наталья Хмелевская

Дизайн-макет и верстка: Наталья Хмелевская

Консультант: Геннадий Аксеев – директор МКУК «Историко-краеведческий музей Семилукского муниципального района Воронежской области».

Корректор: Виктор Лютов (возглавлял редакцию газеты «Семилукская жизнь» более 25 лет).

Фото: Архивный фонд Министерства обороны РФ;
Личные архивы героев книги;
Архивный фонд МКУК «Историко-краеведческий музей Семилукского муниципального района Воронежской области»;
Фонд школьных музеев Семилукского района;
Максим Жуков;
Михаил Михайлов;
Артем Новожилов;
Николай Романов;
Алексей Семенов;
Елена Старкова;
Наталья Фокина;
Свободные интернет-ресурсы.

Какая она… война глазами очевидцев? Семилукский районный Совет ветеранов собрал богатейший материал с воспоминаниями людей о войне, а также подготовил документы и фотоматериалы о различных военно-патриотических мероприятиях, проводимых в наши дни на территории района. Книга издаётся к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

ISBN 978-5-4420-0828-9

© В.Д. Быкова, Н.М. Хмелевская, 2020 г.
© Семилукский районный Совет ветеранов войны и труда, 2020 г.
© АО «Воронежская областная типография», 2020 г.

Глава
администрации
Семилукского
муниципального района
Швырков Геннадий Юрьевич

Дорогие семилукцы!

75 лет назад закончилась самая кровопролитная в истории человечества война. Она завершилась Великой Победой советского народа, освободившего от фашистской нечисти не только свою Родину, но и весь мир. Наши отцы, деды и прадеды проявили на фронтах Великой Отечественной войны мужество, героизм, самопожертвование. Их подвиги реально показали, что такое – настоящие патриотизм и любовь к Родине. Наша Победа поистине велика.

Нынешнему поколению предстоит сделать всё, чтобы история народного подвига сохранялась и передавалась из поколения в поколение. Только отдавая дань уважения погибшим и выжившим в том аду людям, можно надеяться, что фашизм больше никогда не повторится.

Воспоминания и рассказы очевидцев тех трагических дней позволят нынешнему молодому поколению воспринимать историю Великой Отечественной войны не просто как отстранённые знания, а как частицу жизни близких для них людей.

Желание сохранить память о Великой Отечественной войне побудило администрацию Семилукского муниципального района и Совет ветеранов создать книгу под названием «Война моими глазами».

В ней нет рассказов о больших стратегических сражениях, в ней память и боль тех, кто вынес нелёгкое бремя войны на собственных плечах, а в годы послевоенной разрухи активно участвовал в восстановлении родного края. Простые, порой не очень гладкие строчки книги – это и наш вклад в защиту исторической правды.

Для нас каждая встреча, каждая возможность пообщаться с ветеранами – большая честь и радость. Спасибо вам за подвиг, за житейскую мудрость и душевное тепло, которыми вы щедро делитесь с нами, за огромную работу по патриотическому воспитанию молодежи.

ГОДЫ ЛИХОЛЕТЬЯ ГЛАЗАМИ ЗЕМЛЯКОВ – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Гомонюк Евдокия Никитична

Гомонюк Евдокия Никитична

Боевые награды ефрейтора 121-й сд Гомонюк Е.Н.

Ефрейтор знаменитой 121-й стрелковой дивизии Евдокия Никитична Гомонюк – почетный гражданин города Семилуки, участник Великой Отечественной войны, освобождавшая родной край от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. Прошло много лет, но она в мельчайших подробностях вспоминала военное время, рассказывала...

...Четверо мужей моих сестёр ушли на фронт в первые дни войны. Трое вскоре погибли, а четвёртый сгинул в концлагере.

Промышленность страны срочно перестраивалась на военные заказы. Цех, где я трудилась, тоже прекратил изготавливать кровати, перешёл на выпуск каких-то крючкообразных небольших металлических ершей, которые сваривали в огромных количествах и упаковывали в деревянные ящики. Затем приезжали заказчики с петлицами авиационных частей и увозили их. Девчата знали, что расспрашивать о предназначении продукции категорически запрещалось, но любопытство взяло верх. Офицер, сопровождающий груз, серьёзно ответил: «Вы изготавливаете очень ответственный заказ. Наши лётчики сбрасывают эти ящики партизанам на оккупированную территорию. Те рассыпают такие ёжики перед автоколонной немцев. Движение останавливается, а наши бойцы из засады уничтожают противника». После этого сообщения рабочие стали более ответственно относиться к своим изделиям.

Между тем сводки информбюро, передаваемые по радио Левитаном, были неутешительны. За год войны наша армия понесла огромные потери в живой силе, и было принято решение о призыве женщин. Среди призывников оказалась и я. Так начались мои фронтовые будни.

В нашем миномётном дивизионе были многочисленные жертвы. Бомба попала на позицию одного из наших расчетов. Погибли шестеро молодых парней. Хоронили молча. Уверена, каждый из воинов думал так: «Врагу город не сдадим, а за вас, ребята, непременно отомстим!»

…Наступление. Оно было настолько мощным и неожиданным для врага, что он драпал от Воронежа с невероятной быстротой. Когда мы шли вслед за фашистами, то по обе стороны дороги видели штабеля снарядов, патронов в картонных коробках. На недавних вражеских огневых позициях – орудия. И по тому, как всё это бросили, нетрудно было понять, в каком животном страхе удирали из нашего города гитлеровцы. Повсюду слышались радостные возгласы и тут же сдавленное рыдание женщин, которые долгие месяцы жили в оккупации.

Валерий Гомонюк
МАМА

Ты девчушкой малою
В нянечки пошла
И заботу, ласку
В той семье нашла.
Подросла, окрепла,–
Ждал тебя завод.
Ну, а тут нагрянул
Сорок первый год.
Принесли повестку
В тихий, мирный дом.
Ждал в военкомате
Грозный военком.
Сдав свои вещички,
Форму получила.
Чёрные петлички
На мундир нашила.
Смерть не выбирала,
Кто какого пола, –
Как пшеницу, клала,
В жерновах молола.
Вот зима настала,
Сорок третий год.
Армия устала
Ждать приказ «Вперёд!»
Наконец, свершилось:
Дождались приказ,
Огласив солдатам
Сталина указ.
Тронулась машина
И пошла вперёд
К самому Берлину
Гнать фашистский сброд.
Позади остались
Семилуки, Дон,
Где с семьёй прощались,
Их в Девице дом.
Взят был Курск
И Киев – стольный град.
Получила много
Боевых наград.
С армией своею
В Третий рейх вошла.
С молодым сержантом
Их судьба свела.
Пушки отгремели,
Зацвела сирень,
Пули отсвистели.
Был счастливый день.
Вместе поднимали
Из руин страну,
Часто вспоминали
Прошлую войну.

Дмитриев Иван Дмитриевич

Я окончил Богоявленскую школу в начале лета 1941 года, а 22 июня началась война. Пятнадцатилетним пареньком, как и все мои ровесники, пошёл работать в Гудовский колхоз «Серп и молот».

Через год Гудовку заняли немцы и мадьяры. Пережил оккупацию.

Когда исполнилось семнадцать, в октябре 1943 года вместе со своими друзьями-одногодками записался добровольцем на фронт. Пехотинцем освобождал от немцев Житомир, Ровно, Ковель, польский Белосток.

В конце войны был награждён медалью «За победу над Германией», но служба на этом не закончилась: в Германии я обеспечивал высокочастотную связь высшего командного состава. В 1947 году меня направили в составе войск МВД на охрану Горьковского автозавода. Только в 1950 г. я вернулся в родное село и пошёл в колхоз помощником комбайнёра. В 1985 г. был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Сегодня Дмитриев Иван Дмитриевич – единственный участник Великой Отечественной войны на территории Губаревского сельского поселения.

Дмитриев Иван Дмитриевич

Гончарова Галина Моисеевна

Галину Моисеевну навестили земляки.

Когда началась война, мне было 16 лет. В 1943 г. вместе с жителями Кондрашовки я рыла окопы около ведугского моста, чтобы немец не смог пройти.

Затем я попала на фронт и всю войну проработала связистом в штабе. Бывала и под артиллерийским обстрелом, под бомбёжками, но осталась жива.

Прошла Украину, Белоруссию, Польшу, дошла до Берлина и расписалась на рейхстаге. Домой вернулась только в сентябре 1945-го. Сейчас мне 94 года. Живу с племянницей в селе Стадница. Являюсь участником ВОВ, награждена орденом Отечественной войны II степени.

Дмитриев Николай Афанасьевич

Николай Афанасьевич в годы ВОВ

В 1943 году Дмитриев Николай Афанасьевич, прибавив себе один год, соврал в военкомате, что ему восемнадцать, и отправился добровольцем на фронт, с боями дошёл до Берлина. О буднях службы он вспоминал так: «4 июня 1944 г. мы прибыли на передовую под Ковель в 234-ю Ломоносовскую стрелковую дивизию. Меня назначили 2-м номером пулемётчика РПД.

Трудновато было: вещевой мешок набит пачками патронов (800 штук), 3 снаряженных диска по 47 патронов в каждом, карабин и к нему патронташ с патронами, 2 гранаты, скатка, противогаз и лопатка. И тащишь всё это.

Потом продрогший, мокрый, сушишь одежду на себе. Так стоишь в траншее и в снег, и в мороз, и днём, и ночью. Спишь днём, опершись на бруствер, но лишь до первого выстрела немцев. Тогда сразу сон пропадает. Каждую минуту ожидаешь либо смерти, либо ранения.

Во время артподготовки испытываешь такое нервное состояние, что не находишь себе места и дрожишь так, что зуб на зуб не попадает. И вот взлетела красная ракета – сигнал к атаке...»

О своём ранении в Померании в марте 1945 года Николай Афанасьевич рассказывал следующее: «Меня перевязали, но отправить в медсанбат не было возможности. Поэтому быстро спрятали в одном из домов и атаковали немца дальше. Я потерял сознание. Очнулся, а ребята, которые меня нашли, объяснили, что немцы вернули городок, и наш полк вынужден был отступить. Через несколько часов мы снова отбили этот населённый пункт, и тогда меня отыскали».

О конце войны: «Стреляли из всего, что у кого было: из винтовок, автоматов, пистолетов… Все радовались, плясали, кричали: «Война кончилась! Ура! Победа!»

После войны Николай Афанасьевич служил танкистом ещё 5 лет. Спасая горящий танк, он сильно обгорел и пришёл домой инвалидом.

Закончив Воронежское педучилище, сначала трудился учителем в Кантемировском районе, а потом вернулся в родное село и преподавал в Терновской школе. Именем Дмитриева названа одна из улиц с. Гудовка.

Учителя Терновской восьмилетней школы.
Николай Афанасьевич сидит, крайний слева.

Звягин Павел Иванович

Звягин Павел Иванович

Я, Звягин Павел Иванович, родился 7 ноября 1927 года в с. Руда (Землянский уезд Воронежской области).

Когда началась война, мне было 13 лет. Немцы пришли в Землянск 5 июля 1942 года, а покинули его только 27 января 1943 года.

Помню, мы – ватага ребят и девчонок – пошли по ягоды, спустились в лог и вдруг… увидели, как по полю ехала машина, а на ней стоял пулемёт. Мы прибежали домой и увидели четырёх немцев, которые ходили по домам, собирали в сараях яйца, тут же ножом вскрывали их и выпивали. Потом фашисты подъехали к корыту с водой, из которого пили лошади. Солдаты искупались и уехали. Позже прискакали наши на трёх лошадях и спросили, не было ли здесь немцев? Мы сказали, что видели их.

Дня через три в Землянск прибыли четыре немецких танка. Фашисты расположились в доме и в конторе. Однажды у них пропала винтовка, и немцы стали искать её среди населения. Потом они решили, что оружие украл один парень, который приехал из Воронежа к родственникам. Он говорил, что не виноват, но немцы дали ему лопату и приказали копать могилу. Паренёк рыл землю и горько плакал, да и мы все тоже не могли сдержать слёз. А потом немцы всё-таки нашли винтовку, после этого парня отпустили.

Во время оккупации мы, подростки, работали наравне со взрослыми.

К концу войны мне исполнилось 18 лет, и меня призвали на службу. Нас привезли в Воронеж, а там я увидел не город, а развалины и руины. После трёхдневного пребывания в Отрожке нас, мальчишек, направили в действующую армию в дивизию Уральского военного округа.

И вот пришло долгожданное 9 мая 1945 года! Победа! Окончена Великая Отечественная война, но в августе 1945 г. на востоке России стала угрожать империалистическая Япония, и нас отправили воевать с японскими захватчиками.

Сражения были страшными, но я уцелел, остался жив. Разгром самураев принёс освобождение Южно-Сахалинска и Курильских островов. За участие в этой войне я награждён медалью «За победу над Японией».

В декабре 1945 года прямо из своего полка я был направлен для обеспечения общественного порядка на Сахалин, в город Углегорск, где стал работать сотрудником милиции и прошёл путь от сержанта до начальника ГАИ в звании майора.

В числе первых был награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка», отмечен знаком «Отличник милиции». Когда я вышел на заслуженный отдых, то осуществил свою мечту – вернулся в родные места.

Годы неумолимы: среди нас остаётся всё меньше и меньше ветеранов Великой Отечественной войны и участников боёв за освобождение Южно-Сахалинска и Курильских островов.

Сейчас я на заслуженном отдыхе. Мне уже много лет, но я стараюсь, как и прежде, встречаться с молодёжью. Всем желаю мирного неба, и чтобы никогда не было войны.

Калашников Алексей Яковлевич

Калашников Алексей Яковлевич

20 марта 1943 года я был призван в школу младших командиров в г. Вольск Саратовской области. В октябре 1943 года мне присвоили звание сержанта.

Попал на фронт в составе противотанковой батареи. Прошёл в этой бригаде все 7 лет военной службы.

В конце ноября 1943 года наш танковый корпус прибыл в качестве пополнения в Киев на станицу Дарница. Там перезимовали, а в конце мая 1944 года наша часть начала боевые действия. Взяли г. Ковель, форсировали реку Буг, отвоевали г. Люблин (Польша). Двигались по направлению на Варшаву. В предместье польской столицы есть небольшой город Прага. Когда мы его заняли 14 сентября 1944 года, нашей бригаде присвоили звание «Пражской».

17 января 1945 г. отбили у немцев г. Цеханов, а через 2 дня – г. Вольдау. Далее двигались по Восточной Пруссии и брали города один за другим: взяли Кенигсберг в апреле 1945-го и уже было пошли на Берлин, но тут часть расквартировали в 30-ти километрах от фашистского логова. В этом местечке и встретили победу. Помню, как нас подняли по тревоге в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Все думали идти дальше в наступление, но тут объявили, что война закончилась. Сколько у солдат было радости! Все палили в небо из оружия, обнимались, кричали: «Ура!» Так мы и стояли до сентября 45-го. Помню, что совсем рядом был завод по производству самолётов «Мессершмиттов», мы разбирали станки и оборудование, грузили на платформы и отправляли в Россию.

Весной часть двинулась в военный городок Пуховицк. Рядовых 1925 г. р. отпустили домой в 1948 году, а сержантов на 2 года позднее, т.к. не было нам замены, поэтому я закончил службу только 1 мая 1950 года.

Было ли мне страшно на войне? Да, в первом бою я опустил голову, когда услышал свист пуль, но более опытный боец сказал: «Того снаряда, который свистит, ты не бойся. Он сюда не упадёт».

Я награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За Отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейными медалями.

Кто сказал, что надо бросить песни на войне?
После боя сердце просит музыки вдвойне!
Из фильма «В бой идут одни старики».

Пожидаев Николай Фёдорович

Пожидаев Николай Фёдорович

Я, Пожидаев Николай Фёдорович, родился 7 марта 1927 года в селе Хлевное Липецкой области.

Отец – Фёдор Егорович – глава и семьи, и колхоза (председатель), мама – Акулина Степановна, работала в колхозе.

В большой, дружной семье Пожидаевых было три сына и две дочери.

Когда немцы оккупировали Семилукский район и переправились через реку Дон в районе с. Покровка, нам, 16-летним ребятам, было поручено наблюдать за передвижением немецких войск в сторону села Хлевное. Нами командовал земляк, вернувшийся раненым с фронта.

После того, как мне исполнилось восемнадцать лет, в ноябре 1944 года меня призвали в армию.

Нас отправили в г. Чебаркуль Челябинской области. Там находился запасной артиллерийский полк, и 6 месяцев мы были там на учёбе.

Затем эшелонами нас повезли на Восток, где шла война с Японией.

На сайте «Подвиг народа» Министерство обороны Российской Федерации опубликовало подробную информацию о наших ветеранах. Там есть и такая запись от 20 августа 1945 года про радиотелеграфиста 3-го дивизиона 57-й Отдельной тяжёлой миномётной бригады, красноармейца Николая Фёдоровича Пожидаева:

«Товарищ Пожидаев в боях с японскими самураями проявил мужество и отвагу. В бою за овладение города Мулин под ураганным огнём противника обеспечил наши войска (подразделения) надёжной радиосвязью.

Даже будучи раненым, он поддерживал связь, благодаря чему наши подразделения сумели подавить огонь вражеских батарей для дальнейшего продвижения пехоты. При выполнении этой задачи тов. Пожидаев держал себя смело, мужественно, уверенно. Награждён медалью «За боевые заслуги».

В том же 1945 году я получил медаль «За победу над Японией».

Прослужил 8 лет, в 1950 году прибыл в отпуск в родные края на 14 дней. В августе 1951 года вернулся со службы домой.

Сестра Екатерина, 1922 года рождения, – участник Великой Отечественной войны, помогала раненым, так как была медсестрой.

Отец, Фёдор Егорович, прошёл и Гражданскую войну, и Великую Отечественную.

Раненым с фронта вернулся старший брат.

В 1963 году я окончил Московский техникум связи. Мой стаж работы – 32 года.

С 1971 г. по 1987 г. – начальник районного узла связи. Возглавлял первичную ветеранскую организацию этого предприятия.

Избирался депутатом Семилукского городского Совета депутатов.

Награждён орденом Отечественной войны и юбилейными медалями.

Имею почетные звания: «Ветеран труда», «Мастер связи».

Наталья Хмелевская

ВЕТЕРАНАМ

А вас всё меньше, ветераны,
Приходит в мае на парад!
И всё сильнее ноют раны,
И от полка один отряд.

Но ваша память не стареет,
В ней вам, как прежде, 20 лет.
И треугольничком белеет
Солдату от родных привет.

Там обведённая ладошка –
Ручонка дочки для отца,
И табаку еще немножко
В подарок от жены бойца.

И рвутся в памяти снаряды,
И пушки снова говорят.
Всегда шагает на парады
Седой, несломленный отряд.

Родионов Павел Никифорович

Я, Родионов Павел Никифорович, родился 12 июля 1923 года в деревне Разгулино (Пустошкинский район Псковской области).

Когда мне исполнилось 18 лет, в 1941 году меня призвали в армию. Я проходил учебную подготовку в лётной школе города Боготол Красноярского края.

После её окончания в 1943 году я был направлен в Новосибирскую школу ночных лётчиков авиации дальнего действия.

Обучение закончил на самолёте СБ в 1944 году. Потом меня направили в 35-й полк 18-й воздушной армии в город Мичуринск.

В 1946 году по состоянию здоровья я перешёл служить в МВД.

Являюсь инвалидом второй группы.

Награждён медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», а также юбилейными медалями «40, 50, 60, 70 лет Победы».

Воинское звание – майор запаса.

Родионов Павел Никифорович

Наталья Хмелевская
ПАМЯТНИК

на снос памятников нашим воинам в угоду политике...

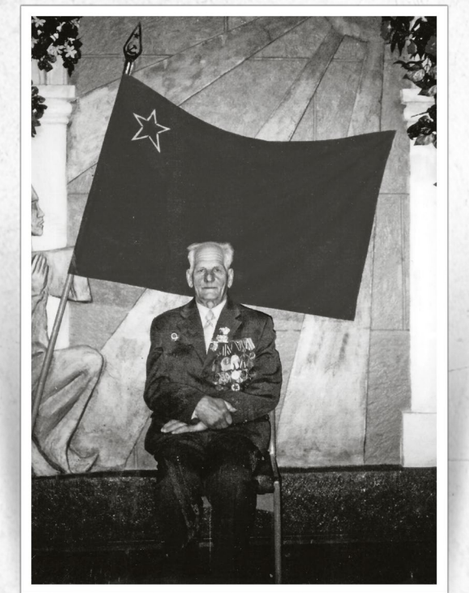
Прежде, чем с историей прощаться,
Надо вспомнить истину одну:
Памятник не может защищаться!
И вернуться снова на войну
Генерал поверженный не сможет!
Бронзовый отлитый монумент
По-другому жизнь и смерть не сложит,
Не изменит важный тот момент,
Как он славный город спас от фрицев,
А потом с боями взял Рейхстаг,
И у всех тогда, как говорится,
Имя генерала на устах.
Благодарно кланялась Европа,
Улицы и парки в его честь.
Караул почётнейший у гроба,
Эпитафий столько, что не счесть.
Пусть вершил историю воитель,
Но политик нож точил и ждал:

Поспешил сказать, что победитель
Вовсе никого не побеждал,
И пора бы бронзу в переплавку –
Что-нибудь полезное сваять.
В русский дух внесли такую правку,
Что, боюсь, теперь не устоять.
Но рука тяжёлая на плечи
Мне ложится. Рядом генерал.
Говорит, и сразу стало легче:
«Жив, кто за Отчизну умирал!
Ты пойди и там скажи всем нашим -
Пусть, как прежде, защищают Русь,
А врагам и памятник мой страшен,
С памятью воюет только трус!
Дочка, ну, пора мне возвращаться,
А тебе – трубить и возвещать:
Памятник не может защищаться!
Памятники надо защищать!»

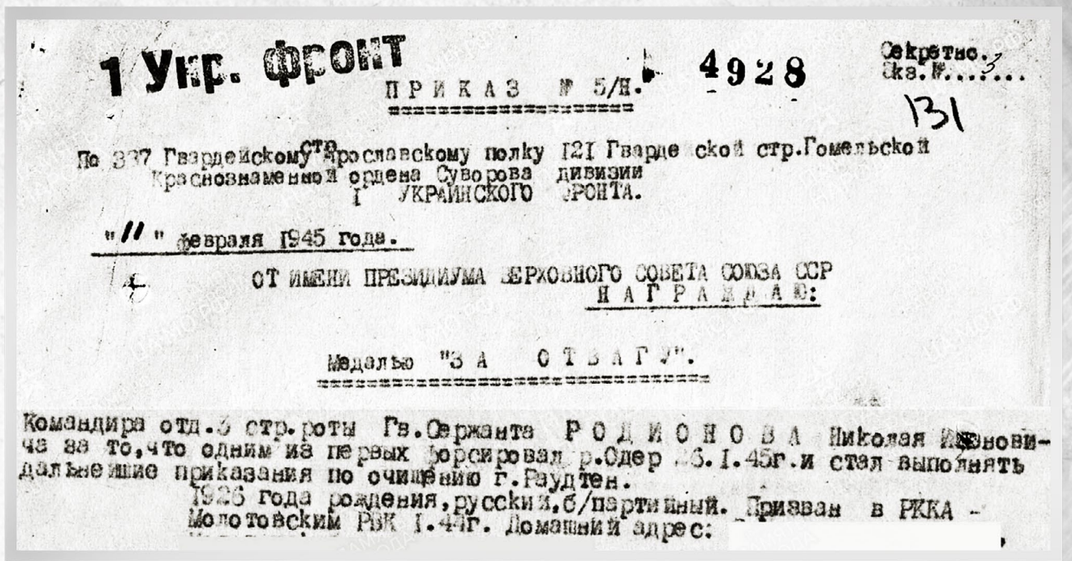
Родионов Николай Иванович

До июня 1941 года учился в средней школе в Ставропольском крае. После работал в сельском хозяйстве , а в вечернее время учился в школе ДОСААФ. Осенью 1943 года был призван на службу в Красную Армию СССР и направлен в полковую школу младших командиров в 61-ый учебный стрелковый полк 49-ой стрелковой дивизии (станция Прохладная, станица Солдатская). В июле 1944 года после окончания полковой школы и присвоения воинского звания сержант был направлен в действующую армию на должность командира отделения роты разведки в 337-ой гв. Ярославский стрелковый полк 121-ой гв. стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта.

До 1945 года занимался сбором сведений о противнике на его территории и захватом «языков». В 1945 году, в период проведения крупной операции по разгрому Восточно-Прусской группировки противника, где было выставлено 1000 стволов на один километр по фронту, я в составе своего подразделения сопровождал генерала армии

Родионов Николай Иванович

1 Укр. фронт ПРИКАЗ № 5/Н. 4928 Секретно. Экз. №...?...

131

По 337 Гвардейскому Ярославскому полку 121 Гвардейской стр.Гомельской Краснознаменной ордена Суворова дивизии 1 УКРАИНСКОГО ФРОНТА.

"11" февраля 1945 года.

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР НАГРАЖДАЮ:

Медалью "З А О Т В А Г У".

Командира отд.3 стр.роты Гв.Сержанта Р О Д И О Н О В А Николая Ивановича за то,что одним из первых форсировал р.Одер 6.I.45г.и стал выполнять дальнейшие приказания по очищению г.Раудтен.
1926 года рождения,русский,б/партийный. Призван в РККА - Молотовским РВК I.44г. Домашний адрес:

Приказ о награждении Родионова Николая Ивановича медалью «За отвагу».

Ивана Даниловича Черняховского, прибывшего лично посмотреть на поле жестокой брани металла на металл. Оборонительные сооружения и военная техника противника были превращены в развалины, руины и искорёженный металл. Повсюду лежали тысячи изуродованных трупов противника, красный снег был перемешан с землёй. Видеть такое было под силу не каждому.

18 февраля 1945 года Черняховский подорвался на немецкой мине, после того как по этой дороге прошли передовые части дивизии. Я находился в пятидесяти метрах от генерала, попал в зону перекрёстного огня пулемётов противника и был тяжело ранен. По дороге в медсанбат Черняховский скончался в машине, в которой нас везли. Об этом я узнал, когда пришёл в сознание. Далее я находился в полевых и пересыльных госпиталях фронта. После получения статуса транспортабельности, я был перевезён в эвакогоспиталь № 1526 города Макеевка Донецкой области. Там я и встретил 9 мая 1945 года. Прикованный к кровати, в гипсе, вместе с 1500 раненых и больных госпиталя скандировал: «Слава великому Сталину, победившему фашизм!»

С криком «Ура!!!» и со слезами на глазах радовались все, даже те, кто на всю жизнь остался калекой. Ликование приобрело такой шумный характер, что жители домов рядом с госпиталем выбегали из квартир на улицу с чувством страха, что в госпитале случилось происшествие. Они ещё не знали, что закончилась война. Нам об этом объявил начальник госпиталя, которому позвонили из Москвы. В День Победы мне исполнилось 18 лет 8 месяцев и 24 дня, но в волосах у меня уже виднелась седина.

После выздоровления я служил в органах МВД Донецкой области и учился в общеобразовательной школе. В 1952 году поступил в Орджоникидзевское пограничное военное училище имени С.М. Кирова. По окончании был направлен для прохождения дальнейшей службы в Оршанско-Хинганскую Краснознамённую дивизию им. Дзержинского в Москве. До 1974 года служил в войсковой части № 7437 в городе Воронеже той же дивизии. Далее работал в учреждении ОЖ 118/1 города Семилуки. Был награждён медалями «За отвагу», «За Победу над Германией», орденом Отечественной войны и др.

Склярова Александра Тимофеевна

Александра Тимофеевна Склярова-Фомина – это человек-история для Семилукского района. Совсем молодой с 1941 по 1945 год воевала против немцев, а затем против японцев, освобождала город Семилуки от захватчиков.

Александра Склярова родилась 5 апреля 1921 года в д. Космодемьяновка Должанского района Орловской области. Родители занимались сельским хозяйством. Александра Тимофеевна поступила в фармшколу г. Орла и в апреле 1940 года получила специальность помощника провизора.

Александра Тимофеевна рассказывала о военном времени, о своей жизни...

Александра Тимофеевна в годы Великой Отечественной войны

Работала я в Воронеже в аптеке №3 на улице Сакко и Ванцетти.

В воскресный день 22 июня в 12 часов – речь Молотова. Страшное известие – война! Мы были в ужасе.

В апреле 1942 года я добровольно ушла на фронт.

В Москве окончила курсы минёров с оценкой «отлично» и в звании старшего сержанта.

И вот назначение – Воронеж... Налёты вражеских самолётов на город начались с сентября 1941 года, а с 4 июня 1942 года фашистские стервятники пошли уже прямо эшелонами. Бомбёжки стали беспрерывными.

Я со своим отделением минёров обезвреживала эти авиабомбы. За три месяца на нашем счету было около 400 снарядов.

Когда 25 января 1943 года наши войска освободили Воронеж, опять сюда первыми прибыли минёры-пиротехники. Нам тяжело было смотреть на город: от него остались только груды развалин.

Фашисты минировали город трижды: летом, осенью и зимой. Сплошные минные поля шли от санатория им. Горького до Шиловского леса. Наше подразделение приступило к разминированию водонасосной станции, улиц и проходов.

Гитлеровцы закладывали «адские машины» в подвалах, в стенах домов, под трупами людей. Ставили разные мины: немецкие, итальянские, румынские, венгерские.

Были и замедленного действия, и с двойным взрывателем, и с другими «сюрпризами». Противотанковые, противопехотные…

Трудно и сложно было найти мины. Еще сложнее обезвредить их. На улицах стояли сорокоградусные морозы, мешали глубокие снега.

Прежде чем подступить к мине, приходилось ртом отогревать застуженные пальцы, а уж потом вставлять в чеку предохранитель. И вот в этих условиях мы, девушки, обезвреживали в день по 250-300 вражеских мин.

Легко сейчас говорить, но очень трудно было работать со смертью… Помню, как пострадала землячка Мария Пилипочкина. При выполнении боевого задания грохнул взрыв. Девушка получила 21 осколочное ранение. В тяжелом состоянии её отправили в госпиталь. Переживали за неё, но Мария выстояла и через три месяца вернулась в часть.

И ещё в моей памяти слёзы и слова благодарности старика. Как-то раз дежурный районного отдела милиции позвонил в штаб и сказал, что на улице Рылеева на мине подорвался человек. Быстро выехали на место. В саду среди минного поля лежал раненый. Надо было проделать к нему проход. Пока добирались, сняли 40 мин. Положили старика на одеяло, а он плачет и шепчет: «Как же вы, молодые, из-за меня, старика, рискуете жизнью?!»

Девушки из моего отделения – Наташа Кандидова, Антонина Лукьянова, Надежда Хитрова, Раиса Дзюбина, Анастасия Позднякова, Надежда Мульченко и другие – обезвредили (каждая) по тысяче с лишним вражеских мин. Я лично сняла 1041 мину. Работали мы не только в Воронеже, но и в Подгорном, Подклетном, Семилуках, Гремячьем и других населённых пунктах.

Отгремела война на Западе, но для нас, минёров, она продолжилась на Дальнем Востоке, где наша армия сражалась с милитаристской Японией. Только в ноябре 1945 года, наконец, для меня наступил мир.

Военная профессия помогла найти и будущего мужа. С Григорием Скляровым я встретилась в Липецке, где преподавала на курсах минёров. Он пришёл в наш штаб вот с такими большими яблоками. Я была на задании, а мне говорят: «Шуруп, тебя ждёт молодой человек». Он строго свидания назначал, точно выполнял, был особый аккуратист.

Из биографической справки:

Воронежскими девушками-минёрами под руководством командира пиротехнического отделения Александры Тимофеевны Скляровой-Фоминой было обезврежено более 18 тысяч мин, 466 фугасных неразорвавшихся авиабомб, 1230 артиллерийских снарядов и много прочих взрывоопасных предметов. Все пригодные для боевого использования мины были тогда же отсортированы, собраны и в мае – июне 1943 г. переданы войскам Воронежского фронта, готовившегося встретить атаки немецких «тигров» и «пантер» на Белгородско-Курской дуге.

Александра Тимофеевна Склярова-Фомина в 60-е годы, фото из газеты ГУ МЧС РФ по Воронежской области «Тревожный сигнал».

За выполнение заданий по разминированию минных полей г. Воронежа, за проявленные героизм и мужество Александра Склярова была награждена орденом «Красной Звезды». .

После войны Александра Тимофеевна работала радиотелефонистом в пожарной части при заводе СК.

Награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «За победу над Японией».

Дом, где жила Александра Тимофеевна, находится на улице, названной в честь её мужа, Григория Антоновича Склярова, знаменитого в советское время председателя колхоза «Семилукский».

Во время войны лейтенант Скляров проходил службу на должности помощника начальника штаба 395-го отдельного городского батальона МПВО и начальника службы этого батальона. За свой ратный и самоотверженный мирный труд Григорий Антонович имел много правительственных наград.

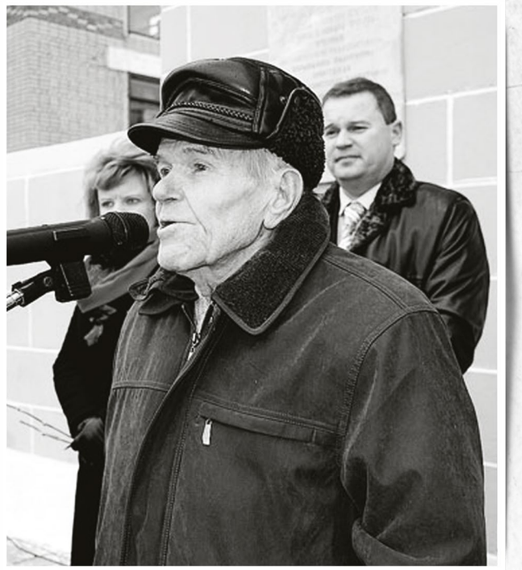
Чирковы
Фёдор Иванович и Мария Степановна

Уже много лет живёт в городе Семилуки талантливый писатель, журналист и ветеран Великой Отечественной войны Фёдор Иванович Чирков. Фронтовик, он воевал в Сталинграде, с боями прошёл от Волги до Дуная. Был связистом, потом волей судьбы стал танкистом.

Имеет ранение, награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу».

Фёдор Иванович проработал десятки лет в журналистике, написал несколько книг.

Его повесть «Операция «Западня» отмечена премией имени Ольминского. В этом произведении автор рассказал об уникальном военном опыте советских минёров во главе с полковником-чекистом Ильёй Стариновым, когда с помощью радиосигналов, переданных из г. Семилуки, были взорваны военные объекты фашистов в г. Харьков.

Чирков Фёдор Иванович
на митинге в честь 70-й годовщины
минно-подрывной операции «Западня»,
г. Семилуки, 2011 год, фото Елены Старковой.

Из воспоминаний о своём первом боевом опыте Чиркова Фёдора Ивановича:

В Сталинград я попал зимой…

В теплушке было темно и неуютно. От заиндевелых стен несло промозглой стужей. Эшелон вёз на большую войну молодых, только что призванных в армию семнадцатилетних пацанов. Сколько их, безусых, не вернётся…

Выгрузились ночью в заснеженной степи, построились и двинулись к пересыльному пункту, который находился на левом берегу Волги под Сталинградом.

…Сталинград. Теперь уже отчетливее, всё яснее слышались звуки боя…

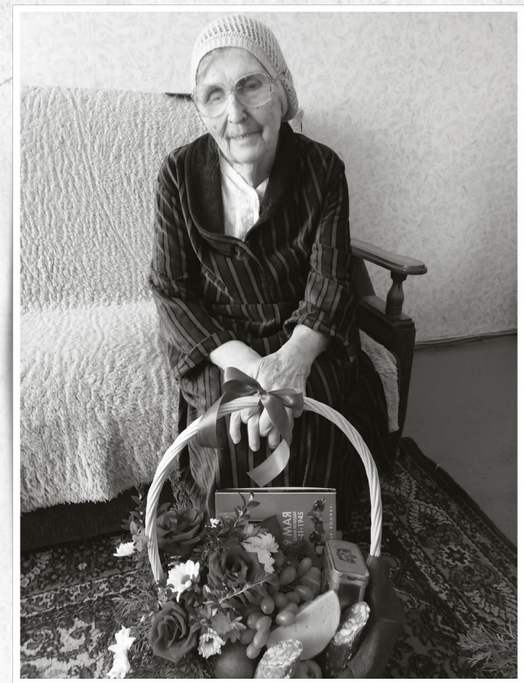
Морозный воздух вдруг разрезал сухой рёв самолета. В небе засуетились белые лучи прожекторов, застучали зенитки… Мы невольно остановились и стали искать глазами самолёт – не над нами ли он? Не обрушит на нас бомбы или пулемётный огонь?...

Один из разрушенных Сталинградских домов (считай – развалины) наша рота отбила. Но полегли почти все, а первыми – новички, те, вместе с кем мы шагали в ту морозную ночь по заснеженной степи, семнадцатилетние…

Воздух в городе был пропитан кровью. Трупы наших бойцов и фашистов валялись, как отслужившие свой срок ненужные манекены. На улицах шли жестокие бои за каждый дом.

Атаки чередовались с контратаками. Наш зенитный артиллерийский полк прикрывал воинов от вражеской авиации. Так я прошёл свое боевое крещение в самом настоящем кровавом сражении.

А в сводках Совинформбюро тогда скупо сообщили о битвах на Волге: «В Сталинграде идут бои по уничтожению окружённой группировки противника…»

Поздравление Чирковой Марии Степановны.

Мария Степановна Чиркова тоже вспоминает страшные дни войны:

Я пережила блокаду Ленинграда. Мы жили под Выборгом. Когда началась война, отца сразу же забрали. Стали подходить немцы. При отступлении на финской территории никого не оставляли, всех вывозили. Мы тоже отправились в августе-месяце, проехали Ленинград. На станции Мга поезд разбомбили. После этого мы сидели в лесу. Уже поздно ночью нам объявили: «Быстренько в вагоны!» И нас привезли назад в Ленинград.

Полтора месяца мы жили в городе в вагонах, а потом объявили, что Ленинград окружён. Тогда нас расселили по школам, а школы для этого, конечно, неприспособленные. Отопления парового не было, топить нечем. Вскипятим на печурке чай, а через полчаса он и замёрз.

Но всё-таки забота была о людях. Сразу же нас, меня и маленького брата, забрали в детский дом (мама родила в начале блокады). Старший брат остался за хозяина, так как мама слегла – обварила ноги кипятком.

А мы в детском доме были. Вначале жили где-то в помещении, потом это место разбомбили, и мы сидели в подвале. У мамы началась сильная цинга. Надо было срочно уезжать из Ленинграда. А ведь уже апрель. Уже прибавили хлеба. Было 125 грамм, а теперь давали целых 250 грамм. Это в два раза больше! Мы выехали… Объявили, что переправа ненадёжная, надо обратно в Ленинград. Мама сказала: «И не пытайтесь меня везти. Мне конец!» Тогда брат пошёл искать командира части, где служил отец. Нашёл. Часть выделила дополнительно три машины на переправу. И благодаря этому мы уехали…

Наталья Хмелевская
СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Гансам от Иванов...

Узнай же, Андерсен, героя грустной сказки,
Которого прославил ты в свой век:
Солдатик оловянный, без опаски
В огне стоящий – русский человек!
И олово у нас покрепче стали,
А души разливал по формам Бог.
Мы на одной ноге стоять устали,
Но если надо, выстоим без ног.
Такой уж он – характер странный русский,
Что плавимся мы только от любви,
А если пьём, до дна и без закуски,
А если бьём, то смело, до крови.
Да что мужчины, Ганс! Увидев женщин стойкость,
Ты о солдатке русской бы писал,
И балерину ту, в которой хрупкость, ломкость,
Не из бумаги – из металла вырезал!
Страна чудесная – Святая Русь зовётся,
И сила темная идет на нас порой,
А стойкий русский над врагом опять смеётся,
Ведь стойкий русский – сказочный герой!

НАМ НЕ ЗАБЫТЬ О ТОЙ ВОЙНЕ: ВОСПОМИНАНИЯ ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА, НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЗНИКОВ КОНЦЛАГЕРЕЙ

Баранов Виктор Михайлович

Баранов Виктор Михайлович

Когда началась война, мне исполнилось 11 лет. К осени была оккупирована почти вся Курская область. Отца направили на строительство оборонительных рубежей, затем его призвали в армию. Мама не отличалась крепким здоровьем, поэтому все работы легли на нас с сестрой Юлей 1928 г.р. В 1941 году мне запомнилась эвакуация скота, табунов лошадей, чтобы на захваченной немцами территории ничего не оставалось врагу.

Дождливой осенью полуторки утопали в грязи, солдаты с двух сторон поднимали кузов машины и шли за ней пешком. Тяжело на такое смотреть! И вдруг радостное сообщение: «13 декабря 1941 года. Разгром немецко-фашистских захватчиков под Москвой». Я бегал зимой по улице с газетой и кричал всем встречным: «Победа под Москвой!» Двадцать лет спустя я нарисовал этот эпизод моего военного детства. Но радость была недолгой.

В начале июля 1942 года объявили о срочной эвакуации госучреждений, а всем нам предложили: «Кто из местных жителей желает эвакуироваться, берите колхозных лошадей с телегами и уезжайте!» Мать не раздумывая сказала: «У нас отец – коммунист-красногвардеец. Найдутся недруги, и нас первых расстреляют». И только мы погрузили свой скромный скарб, а я привязал к телеге нашу кормилицу-корову, как налетел немецкий стервятник. Бомбы летели со свистом. Лошади сорвались, и мы с трудом догнали их. Маленькую сестричку 1938 г.р. посадили в лукошко с сеном, и мы быстро поехали неизвестно куда из родного края. Была паника, многие люди в спешке эвакуировались из Нижнедевицка, а наши солдаты отступали. Помню, доехали до села Гремячье. Вдали над Воронежем стояло огненное зарево: немецкие самолёты, как грачи, беспрерывно летали и бомбили. Когда переправу разбили, солдаты разделись и в одних кальсонах с винтовками бросились плыть на правый берег, многие гибли, убитые осколками.

Мы решили отъехать в безопасное место вниз по течению Дона. На наше счастье там была небольшая колхозная паромная переправа для скота. Старичок-паромщик спокойно переправил нас на другой берег реки. Мать его отблагодарила. Дальше мы ехали всю ночь, добрались до с. Костино-Отделец (ныне Терновский район), где и жили.

После побед под Сталинградом и Воронежем советские войска освободили Семилуки и Нижнедевицк. Мы собрали свой скарб и на двух повозках двинулись на родину среди минных полей. Наша бурёнка прошла с нами путь до станции Поворино и обратно...

Много трагичного было в те дни. Как-то раз местный прокурор вместе с лётчиками решил развлечься, полетать над райцентром – рыночной площадью, куда в воскресенье собралось много повозок. И я был в этот день на базаре – продавал топлёное молоко, чтобы на вырученные деньги купить школьные тетради. И случилась трагедия на всю область! Самолёт-«кукурузник» пролетел над рыночной площадью раз, другой, третий. Он опускался всё ниже и ниже, как вдруг зацепился за выставленные вверх оглобли повозок и пошёл косить всех, оставляя кровавый след от людей и продажного скота. Ужас! Народ бросился к самолёту, хотел разорвать прокурора и лётчика, но военные не дали устроить самосуд. Виновных отправили в штрафной батальон, и они погибли в Курской битве.

Но были и курьёзы. Как-то раз к моей маме пришла сестра Героя Советского Союза, нашего земляка, Василия Николаевича Костина. Она предупредила: «Вася будет пролетать над нами и сбросит мне посылку». Позже я пошёл под кручу за водой и слышу рёв самолетов. Включился звук сирены, застрочили пулеметы. Все жители попрятались в погребах. Я со страху опрокинул вёдра с водой, лёг в канаву и начал выглядывать оттуда. Смотрю, а на всех трех самолётах наши красные звездочки. Я подбежал поближе и смог рассмотреть, что на длинной алюминиевой полоске, свисающей из кабины, нацарапано: «Привет землякам!» После все встречали Костина с оркестром и цветами, а какая-то бабуля спросила: «Вася, что ты с нами сделал?! Зачем ты строчил из пулемёта?! Даже немец нас так не пугал!» Он улыбнулся и ответил: «Это я хотел вам показать, какие у нас штурмовики. Я ещё думал из пушек пострелять!» Зал аплодировал стоя…

Война уходила всё дальше на запад. Всё чаще Родина салютовала нашим отцам, братьям за победы на фронтах, но продолжала напряжённо трудиться в тылу ради самой главной Победы, которая была ещё впереди.

В неполные пятнадцать лет мы научились пахать, косить, убирать урожай и выполнять самую тяжёлую работу. Война отняла у нас детство, но мы находили время смастерить самодельные лыжи, кататься гурьбой на санках, искупаться в речке, полакомиться лесными ягодами и орехами. На улице собиралось до полусотни мальчишек играть в «Чапаева». А какая была взаимопомощь и дружба народа! Холод и голод переносили всем миром.

Наши дорогие учителя были всегда с нами и заменяли нам родителей – воспитали патриотами Родины, приучили к труду и дали прекрасные знания. Помним их и благодарим!

Столько лет прошло, а меня всё мучит желание написать для потомков картину, которая стоит перед глазами: пришла долгожданная Победа, и в августе мы встречаем воинов, которые победили непобедимых и спасли весь мир от фашизма! Среди них и мой отец. Солдаты идут пешком от станции Нижнедевицк, а впереди запряжённая быками повозка везёт награды и скромные подарки. Не гремит маршами оркестр, не звучат торжественные речи. Собрались только родные и близкие. Быков остановили, отец берёт свой вещмешок, прощается с друзьями, а потом дома осматривает хозяйство и очень удивляется, что у нас всё заготовлено на зиму: и сено для коровы, и дрова для отопления...

Из биографической справки:

Виктор Михайлович Баранов – труженик тыла, ветеран труда, отличник строительства электростанций СССР, художник, лауреат многих фестивалей народного творчества.

Баркалова Александра Демьяновна

Баркалова (Черемисина)
Александра Демьяновна с сыном

Когда началась война, мне, тогда ещё Черемисиной Саше, шёл тринадцатый год. Помню, как уходил на войну мой отец, Демьян Захарович. В селе многие провожали своих мужчин: мужей, отцов, сыновей, женихов. Все заливались слезами, плач переходил в крик. Моя мама, Пелагея Яковлевна, плакала тихо (теперь я думаю, что она просто боялась нас напугать). Мы – все четверо деток 12, 10, 8 и 6 лет – уцепились за папу, но мама нас поворачивала к себе, как цыплят, и говорила: «Тише, тише! Всё будет хорошо. Это война. Она будет недолго. Папа придёт, и все будет хорошо». Отец ушёл, мы остались с мамой одни.

Когда немцы были уже в Касторной, нам слышались взрывы и страшный рёв самолётов. Мы часто прятались в погреб.

В 1942 году немцы пришли в наше село. Они привели с собой 28 красноармейцев и заперли их в колхозный амбар. Среди местных жителей нашлись люди, которых волновала судьба пленников. Мне, совсем ещё девчушке, поручили выполнить настоящее боевое задание: когда стемнеет, подобраться к амбару с той стороны, где доски были едва прибиты, топором оторвать самую нижнюю доску и передать топор военнопленным. Когда солдаты освободятся, надо было вывести их подальше от села, за лог, чтобы дядя Вася проводил их и показал солдатам направление самого безопасного маршрута выхода из окружения. И вот я ползу. Озноб бьёт, как током. Мне очень страшно, ведь около амбара туда-сюда ходит часовой-немец. Я уже почти у цели, и вдруг подо мной что-то треснуло, фашист тут же сделал очередь вверх, и стало тихо. Я опять поползла и подобралась с той стороны, где сказал дядя Вася. Я проткнула в щель записку и спички, потом поддела топориком доску, отодрать её помогли уже пленные. Отдала им топор, а сама залегла ждать в траву. Когда глубокой ночью все выбрались, я вывела солдат в назначенное место. Так были спасены 28 красноармейцев от расстрела.

Когда село освободили от немцев, жители и нашей, и близлежащих деревень выходили на работу, расчищали шлях (дорогу, по которой должны были проходить красноармейцы и танки в сторону Курской дуги). Вместе со взрослыми работали и мы, подростки. Каждому отмеряли по 10 шагов, и надо было расчищать снег и взлётную полосу.

Самой чёрной датой для нашей семьи стало 7 января 1944 года. Прямо на рождество почтальон принёс похоронку. Так мы узнали, что наш отец умер от тяжёлых ран и похоронен в братской могиле села Малая Зубовщина Коростенского района Житомирской области. Папа воевал под командованием Ивана Даниловича Черняховского. Уже в мирное время школьники Зубовщинской средней школы писали маме (письма целы до настоящего времени), что за могилой ухаживают ученики и приглашали её на День Победы, но мама так и не смогла съездить.

Я награждена медалью «За доблестный и самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и получила удостоверение «Труженик тыла».

Борзикова Нина Герасимовна

Я родилась после войны в 1946 году, поэтому делюсь тем, что осталось в памяти из рассказов старших. С самого раннего детства я часто слышала о тех тяготах и лишениях, которые довелось пережить моим родным.

Фашисты ворвались в наше село в начале июля 1942 года. Мама рассказывала, что сразу начали творить ужас, проявлять бесчеловечную жестокость.

Многих жителей села согнали в колхозный подвал и стали стрелять огнемётами. Некоторые подростки сумели убежать и спрятаться в огородах.

Эвакуироваться не успели. 10 июля на окраине Перекоповки со стороны Каменки Липецкой области уже появились наши танки. Мама говорила, что первые бои были настоящим адом. Гул машин, пожары, бомбёжки. А тут ещё немцы ввели в бой самолёты.

В деревне не было живого места. Снаряды рвались на улицах. Горели крыши домов, амбары. Матери спасали детей, где и как могли.

Село несколько раз переходило из рук в руки. Две недели июльских боёв длились как вечность. И танковые бригады были разбиты, на поле стояли сожжённые, искорёженные машины.

Борзикова
Нина Герасимовна

Вместе с нашими танкистами воевали сибиряки-курсанты. Это были молодые ребята, рослые, здоровые. Иногда между боями наши соседи слышали, как они замечательно пели песни. А когда уходили в бой, то погибали целыми группами.

На полях, на опушках леса южнее нашего села лежали убитые. Некоторые женщины брали своих подросших детей и под обстрелом собирали разбросанные взрывами останки солдат, чтобы захоронить.

В августе 1942 года при поддержке сибирских бригад Перекоповка была освобождена. В это время люди уже могли обрабатывать огороды, свободно выходить на улицу. Всем хотелось побыстрее залечить раны, нанесённые войной. Моя бабушка спасла корову и делилась молоком с бойцами.

Недавно к нам в деревню приезжала дочь погибшего пулемётчика Петра Антоновича Кучумова, Галина Петровна, восхищалась красотой здешней природы и повторяла: «За такую красоту отдал жизнь мой отец!», потом долго стояла у братской могилы, плакала. Её отец уходил на фронт из Читы. Семья знала, что на Воронежское направление. А где воевал, где погиб, – узнали недавно. Да и то в извещении о гибели по ошибке указали другой район вместо Голосновского. Наши юные краеведы установили точное место гибели солдата.

Мы до сих пор помним своих героев. Каждый год, зимой и весной, приходим на братскую могилу поклониться тем, кто дал нам свободу, кто спас от войны, о которой не хочется вспоминать, но помнить всё-таки необходимо.

И мои земляки сложили голову за Родину. 135 имён перекоповцев выбито на стене обелиска.

Величко Иван Андреевич

Я родился 27 марта 1932 года на юге Воронежской области. По документам – это хутор Лещенково бывшего Новокалитвенского, а ныне Россошанского района.

В нашей семье было шестеро детей – трое мальчиков и три девочки. Отец (1894 г.р.) для того времени был грамотей – окончил 4 класса церковной школы.

Старшего брата призвали на службу ещё в 1938 г., и он воевал в русско-финской войне. В памяти запечатлелось, что брат, получив повестку из военкомата на второй день Великой Отечественной, заплакал: он то уже понимал, что значит война. На этот раз с фронта он уже не вернулся – умер в госпитале от ран в 1944 г. в Венгрии.

К началу войны мне исполнилось 9 лет. Когда объявили страшную новость о нападении немцев, по селу везде голосили женщины.

Как прошёл первый военный год, я не запомнил. Осознание нагрянувшего горя пришло позже. Конечно, прыти до бесконечности, игр разных у пацанов поубавилось. Мы стали взрослей, серьёзней.

По мере приближения фронта к нашим краям в селе росла какая-то напряжённость, суета, хлопоты. К моменту оккупации к нам перебрались отступающие с запада гражданские хозяйства. Из полтавских мест прибыло много скота с сопровождающими. Они не успели переправиться за Дон и остались.

В колхозе скопилось много разных зерновых, бахчевых культур. Эти накопления раздавались колхозникам. Люди везли в дом все эти запасы, чтобы не досталось немцам.

Село оккупировали 9 июля 1942 года. Я хорошо помню все события.

Накануне во второй половине дня домой к нам забежал отец. Он находился со своим воинским подразделением где-то недалеко в западной стороне. При отступлении часть проходила со стороны Россоши, чтобы переправиться через Дон. И вот отец под честное слово отпросился у начальства забежать домой на одну ночь, чтобы утром 9-го числа уже прибыть в Новую Калитву для переправы. Помню, он пришёл домой, и в руках была одна пилотка и ремень. С руководством колхоза отец договорился, что руководители рано утром отправятся в Калитву. На рассвете хотели уехать, но начальство колхоза передумало уезжать, тем более выяснилось, что в Калитве уже немцы. Отец в одиночку ушёл в сторону Богучара.

Величко Иван Андреевич

Во второй половине следующего дня появились немецкие мотоциклисты, вооружённые пулемётами. Они попили воды в нашем селе и двинулись дальше на юго-восток, в сторону г. Богучар.

В ночь на 10 июля в нашем саду остановились немецкие танки, а рано утром они уехали.

В селе, в основном, обосновались итальянцы: организовали комендатуру, поставили необходимое число солдат, назначили старосту, который был уважаемым людьми человеком. Он ранее воевал в Первой мировой войне в 1914 г. и частично знал немецкий язык. Его слушали даже оккупанты.

Когда уже была организована комендатура, по ночам патрулировали полицейские. Однажды двое советских военнослужащих, отступая, зашли в наше село.

На их вопрос, есть ли тут немцы, один мужчина предательски ответил, что нет. Эти двое солдат свободно шли по селу, и возле комендатуры их увидели. Тут наши солдаты поняли, в чём дело, вбежали в соседний двор. Через некоторое время наш огород был окружён оккупантами, и одного солдата убили, а второго взяли в плен.

Потянулись тягостные дни оккупации, и вот, наконец, 19 декабря 1942 года наше село было освобождено.

Войска ушли на запад, а на месте осталось много немецких патронов, разного пороха, противогазов. Нам, ребятам, было чем заняться.

Стала налаживаться прежняя жизнь. Мы, подростки 11-12 лет, пасли скот, ходили за плугом, возили снопы и сено, погоняли запряжённых коров (быков не было). Днём на коровах работали, а ночью гоняли их на пастбище. Работали за трудодни, я работал за мать, так как подросткам их не ставили.

В последующий год возобновилась учёба в школе. Мною были пропущены два учебных года, и только в 1950 году я окончил 7 классов и потом уже в районном центре – 8-й класс. На летних каникулах работал в колхозе.

В послевоенные годы было особенно тяжело с питанием. Собирали в лесу дубовые жёлуди, и они нас выручали. Не было спичек, мыла, соли, керосина.

В апреле 1952 года из 9 класса меня призвали в армию. В 1954 году командировали в полковую школу в г. Реутово, где я и пробыл до конца службы, то есть до 03.11.1955 г.

Поступил в специальную Станиславскую среднюю школу милиции, а по её окончании прибыл по распределению в распоряжение УВД Воронежской области, откуда был направлен на работу – оперуполномоченным в уголовный розыск города Семилуки.

В те же годы встретил будущую супругу, с которой прожил больше половины жизни. Познакомились на танцах: я пригласил её на тур вальса под «Дунайские волны». В 1977 году заочно окончил филиал академии МВД в Саратове, работал следователем.

Жена, Вера Матвеевна, – отличник народного образования. Дочь Елена – участковый терапевт Семилукской ЦРБ. Внучка заканчивает учебу в технологическом университете. Дорогого стоят и встречи с местным Советом ветеранов МВД...

Величко
Иван Андреевич с женой,
Верой Матвеевной.

Вручение медалей к 70-летию Победы в ВОВ.
На фото слева направо: Звягин Павел Иванович, Медведев Владимир Антонович, Величко Иван Андреевич.

Ворфоломеева Надежда Гавриловна

Ворфоломеева Надежда Гавриловна

Когда немецкие фашисты 22 июня напали на нашу Родину, мне было всего около двух месяцев от роду. Конечно, что я могла запомнить? Но особенно яркие моменты всегда врезаются в память, да и мамины рассказы о тех днях никогда не забыть…

Зимой нас спасала русская печь, а ещё была двухконфорочная плита. Рано утром, когда за ночь печь остывала, вода в ведре покрывалась достаточно толстым слоем льда. Стены серебрились от инея. Для того, чтобы нагреть дом, маме пришлось разобрать сарай на дрова, в котором помещалась корова Панка, наша кормилица, без которой нам бы не выжить. Корову переселили в сени. Крыльцо тоже пошло на топку. Помню, было очень холодно. Однажды я убрала котелки из печки и залезла в неё. Зола была ещё тёплая, я согрелась. Представляю, какая я была «чистая».

Мама, Ефросинья Никитична, делала всё, чтобы сохранить жизнь и здоровье нам, четверым детям, в то лихолетье. Тогда многие пухли от голода, ели лебеду. Один раз мама тоже испекла из неё оладьи с небольшим добавлением муки. Это было что-то невообразимое, такое ужасное, зелёное, похожее на раздавленную жабу… Больше мы лебеду не ели.

У нас в огороде и на заброшенных полях рос хрен. Мама копала его, тёрла на сковородку и потом ставила на горящие угли в клетку. Получалась жёлтая, сладкая каша. Это я прекрасно помню. А ещё нас выручала мёрзлая картошка. Из неё мама получала крахмал, варила молочный кисель, пекла блины из соевой муки.

Наш дом располагался вблизи Синицына сада, поэтому у нас всегда были яблоки, груши. Ели всё: подсолнечный жмых, полевой лук, чеснок, щавель – птичий, лошадиный, культурный, который рос в поле. Ещё весной, как козочки, грызли почки липы, молоденькие кленки. Позднее, когда завязывались яблоки, пробовали «зеленупочки», так мы их называли. Потом вишню, осенью – тёрн, шиповник. В ближнем и дальнем лесках собирали ягоды, грибы и всякое разнотравье – сиргибуз, кислички, баранчики, аниски и другие травы. Это всё было хорошим подспорьем к нашему питанию.

Что удивительно, у нас никогда не было дизентерии, не болели воспалением лёгких, хотя зимой дома и в школе было очень холодно, часто в мороз выбегали раздетыми на улицу. Вот так мы жили, но чувствовали себя счастливыми, веселыми, эти трудности не замечали, может, потому, что были детьми?

Мой отец, Кирин Гаврил Степанович (1908 г. – 17.07.1942 г.), защищал Родину, был политруком. Папа погиб и похоронен в братской могиле в Центральном парке г. Воронежа. На мемориальной доске высечена его фамилия. Когда я училась в пединституте, то занималась в лыжной секции. Занятия проходили в Берёзовой роще, на Динамо. Помню, как-то весной я нарвала букетик из первоцветов и положила к братской могиле, получается, – к своему отцу...

Костылева Валентина Ивановна

Моя мать, Прокопова Мария Ефимовна, в 1936 году работала на Воронежском авиационном заводе № 18, где и познакомилась с папой. Родители переехали в с. Троицкое в 1938 году. Мой отец, Чернушкин Иван Петрович, воевал с финнами, прошёл всю Великую Отечественную войну и встретил Победу в Праге, после работал финансистом при штабе армии на Кавказе.

На начало войны мне было 4 года.

С июля 1942-го по январь 1943-го года мы находились в оккупации. Хорошо помню, что я, маленькая, сидела на подоконнике у окна и видела, как шли немцы.

В нашем доме была немецкая типография: фашисты делали карты. А мы (6 семей) жили в другом доме.

Мама рассказала мне такой эпизод: когда копали противотанковый ров, она кинула комья сырого грунта в проходившего мимо крупного военачальника, приехавшего с ревизией. Он был в парадном кителе, стоял весь перепачканный в земле. Наступила мёртвая тишина. Немец выхватил пистолет и хотел расстрелять мою маму. Но рядом с ним шёл украинец, который служил в регулярной немецкой армии и был ответственным за проводимые работы. Он убедил начальника, что всё это произошло случайно, и этим спас маму.

Костылева Валентина Ивановна

При отступлении немцев всю ночь гремел сильный бой. Сараев у нас не было, живность паслась прямо на улице. У нас убило корову, козу и овцу.

Моя мать помогла нашим разведчикам, по их просьбе показала безопасную дорогу до села Верхотопье. Там были пленные, и наши их освободили.

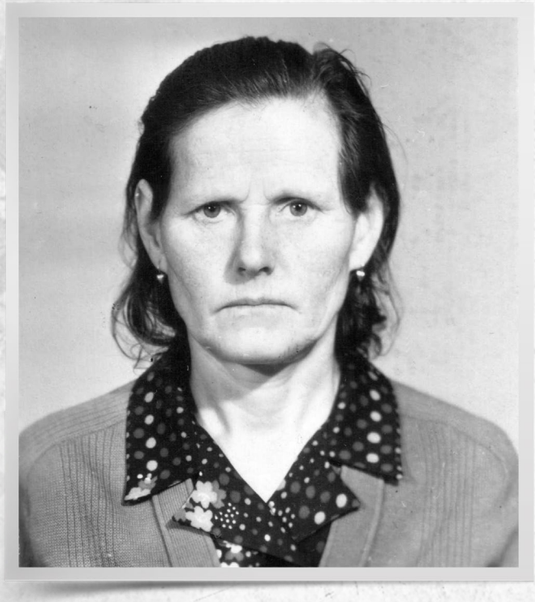
После войны я окончила школу, потом работала бухгалтером по учёту трудодней, а мать трудилась в коневодстве. В 1967 году я заочно окончила Воронежский техникум, получила диплом бухгалтера-плановика, как когда-то и мой отец. Я работала экономистом до 62 лет, общий стаж работы – 47 лет.

Богомолова Ольга Фоминична

В 1942 году мне было 15 лет. В село Нижняя Ведуга пришли немцы. У нас был организован ремонт техники, который делали пленные. Один мужчина был из с. Перлёвка. Однажды он отпросился домой. Ему надо было вернуться вовремя, но на следующий день он не пришёл.

Немцы поехали в Перлёвку и привезли его в наше село. Фашисты собрали местное население, вывели его к оврагу и на глазах у всех расстреляли пленного. Этот случай до сих пор стоит у меня в глазах.

Гришаева Варвара Сергеевна

Гришаева Варвара Сергеевна

Я, Гришаева Варвара Сергеевна, родилась 28 июля 1935 г. в селе Новосильское Семилукского района Воронежской области.

В нашей семье было пятеро детей: Мария, Варя, Нина, Шура, Зина. В самом начале войны отца, Сергея Яковлевича, призвали на фронт.

Остались мы с мамой, Екатериной Ивановной, да дедушкой Яковом. Вся работа легла на плечи матери.

В 1942 г. в село пришли немцы. Лето прожили более-менее сносно, а осенью явились полицаи и сказали: «Собирайтесь». Мать металась по хате, плакала, что-то собирала в узелки и совала детям.

Мы двинулись в путь. Мама несла маленькую Зину на руках, а мы держались за дедушку и маму. Вышли на большак, а там уже толпа народа. Всех погнали в сторону Курбатово.

Дедушку и маленьких детей посадили на телегу. Шли долго, ночевали под охраной полицаев и немцев с собаками.

В Курбатово всех погрузили в вагоны для скота, а дедушку схватили полицаи и стали бить палками, повторяли слово «коммунист». После побоев дедушка уже почти не поднимался.

Поезд отправили в сторону Курска, и тут началась бомбёжка, поднялась паника. Все куда-то бежали, прятались. Кое-как мы и ещё несколько семей добрались до села Гнездилово. Там и остановились. Дедушка умер, похоронить помогли местные жители.

Всех эвакуированных снова собрали и загнали на ограждённую колючей проволокой территорию. Сколько мы там пробыли, я не помню, может, месяц, а, может, неделю. Потом охрана как-то меньше стала обращать на нас внимание, наверное, уже не до нас было.

Зима была очень тяжёлой: холод, голод. Мы ходили побираться. Люди подавали, что могли, но были и такие, которые прогоняли от дома.

В конце зимы пришли наши. Я прожила 84 года, но больше ни разу не видела, чтобы так радовались, как тогда: женщины рыдали, обнимая солдат, а ребятишки гроздьями висели у них на руках.

Мы сразу засобирались домой. Шли больше недели. Грязные, голодные, замёрзшие, наконец-то, добрались, а дома полная разруха.

Благодаря матери мы выжили: она недопивала, недоедала, а нас сберегла.

Но горе одно не ходит: в марте 1943 г. без вести пропал отец. Опять слёзы, рыдания и тяжёлый труд, чтобы выжить.

Победу встретили в родном селе. Хоть и было трудно, но все выросли, обзавелись семьями.

Даувальтер (Гончарова) Мария Трифоновна

Я, Даувальтер (Гончарова) Мария Трифоновна, родилась 17 апреля 1926 года в хуторе Каплин (ныне Кантемировский район Воронежской области). В данное время проживаю в г. Семилуки. В апреле 1941 года мне исполнилось 15 лет. Наш небольшой хутор на 32 двора был расположен вдали от двух районных центров - Кантемировки и Богучара. Связи, можно сказать, не было никакой, и о том, что началась война, мы узнали так: мой старший брат (16 лет) должен был уезжать из дома в город Липецк, где он учился в ФЗО. Наша мама повезла его на лошади на станцию в Кантемировку. Там в это время были эшелоны с военной техникой и вагонами, загруженными мужчинами, едущими на фронт. Мама с братом вернулись с ужасной вестью – ВОЙНА!

Даувальтер (Гончарова) Мария Трифоновна

На следующий день приехал посыльной из военкомата и объявил, чтобы все мужчины собрались на сборный пункт в хутор Никольский для определения, кого куда отправят на фронт.

Остались женщины, старики и дети, которые с удвоенной энергией стали трудиться на колхозных полях. Иногда приходили с фронта помятые солдатские треугольнички, и капляне всем хутором сходились узнать новости с фронта, а если приходила похоронка, тогда жуткий вой опять же стоял во всём хуторе.

Помню, как радовались известию о разгроме немцев под Москвой, надеялись, что война скоро кончится. Но не тут-то было. Начались самые страшные бои за Воронеж.

13 июля 1942 года немцы заняли Кантемировку, а 15 июля – Богучар. Сначала немцев у нас не было, все работали на своих приусадебных участках, как могли, припрятывали подальше всё наиболее ценное. Мой папа, например, закопал флягу с мёдом, который потом использовали как лекарство для больных хуторян.

Дней через десять приехал из района немец с переводчицей для выбора старосты и полицаев. Старостой быть никто не хотел, тогда избрали Долгополова Ивана Киреевича, который спас жизни многим хуторянам и партизанам: отряд партизан, который обитал в лесу недалеко от нашего хутора, всю зиму 1942–43 гг. вредил немцам.

Немцы использовали наш хутор для отдыха своих солдат. Приедут на своих машинах, мотоциклах и давай шастать по сараям и дворам в поисках яиц, молока, свиней. Однажды в такой день я прибежала домой, а у нас во дворе танк. Я забежала в сарай, села за дверь и сижу, дрожу. Немцы всюду снуют, один из них увидел меня и закричал: «Шнель, шнель!» Я выскочила и побежала к бабушке. Согнали нас в закуток, сами заняли всю избу, а мы – трое детей и четверо взрослых – кое-как ютились за печкой.

Как-то в жаркий августовский день над хутором подбили советский самолёт, который упал прямо на поле и развалился. Двое лётчиков были мертвы, а третий – только ранен. Он отстреливался, но его убили. Мы потом их похоронили тайком от немцев.

Двое итальянцев обслуживали отдыхающих немцев: доставляли еду из райцентра, готовили, убирали, стирали. Один из итальянцев говорил: «Мы не хотим воевать. Вот если бы Гитлер капут, Муссолини капут, а мы – домой к своим детям».

Во время бомбёжек мы спасались в глубоких погребах, вырытых подальше от дома. Перенесли туда кое-какие перины, подушки, одеяла. Однажды в середине дня одна бомба взорвалась у колодца, убила двух девчонок, пришедших за водой. Вторая попала в стадо, убила нескольких коров-кормилец и овец. Остальные бомбы рухнули на пустырь, к нашему счастью.

Жили в постоянном страхе: везде валялись неразорвавшиеся бомбы, которые так и пролежали до конца войны, и только потом их ликвидировали. От найденных гранат пострадали мальчишки: Васе Дорошеву раздробило голову, а Феде Аносову взрывом оторвало руки. Так он потом и жил с культями.

Для помощи в уборке урожая немцы пригнали из Кантемировки худых и оборванных военнопленных и расселили их по домам. К счастью, когда немцы отступали, про пленников забыли, и они влились в ряды Красной армии в день освобождения х. Каплин.

Страшные бои в хуторе начались, когда наши войска погнали немцев со стороны Богучара. Утром 18 декабря 1943 года к нам ворвались советские танки, их было штук 15. Сильный бой завязался у глинища на улице Нагорной. Маленький гарнизон, в основном, состоявший из итальянцев, не выдержал атаки. Полураздетые фашисты ринулись бежать в сторону Кантемировки, но далеко они не ушли, наши подавили их танками. Разложившиеся трупы нам пришлось убирать с полей весной 1943 года. Страшно об этом даже вспоминать, ведь работали только женщины и подростки.

Сразу после освобождения хутора на фронт ушли молодые парни 18 и 19 лет, в том числе, и мой брат Иван. Дошла очередь и до женщин 18 лет и старше. Из нашего хутора пошли в солдаты 10 девушек. В ноябре 1944 года были призваны в армию 17-летние подростки.

После снятия оккупации у нас был восстановлен колхоз им. Димитрова. Председателем стала моя мама, Гончарова Павлина Петровна. Все руководящие посты занимали женщины, они же вместе со всеми и работали в поле. Ночью пасли коров, а утром запрягали их в плуг по 2 пары. Более сильная женщина шла за плугом, налегая на рычаги, а мы, девчонки, горько плакали, но подгоняли наших кормилиц.

Всё, что производилось в тылу непосильным трудом, шло на фронт, где сражались наши отцы, братья, мужья. Сами жили за счёт приусадебного участка. К зиме валяли валенки, а весной и осенью ходить было совсем не в чем. Некоторым женщинам удавалось пробраться к линии фронта. Оттуда они приносили вещи, снятые с убитых итальянцев. Шили из одеял кофты и пиджачки, из плащ-палаток – юбки. Иногда удавалось выменять на продукты старые ботинки у проходивших на фронт солдат.

Мыло научились варить из мяса и костей павших животных с каустической содой, а также делали щёлок из подсолнечной золы.

Из каждой колхозной бригады на передовую посылали молодых женщин в качестве подсобных рабочих. Подошла очередь моей мамы. Через месяц она вернулась измученная, грязная, вся завшивленная. Ужас!

Наконец, стали поступать трактора, но трактористов не было. Женщины садились за рычаги, а мы, подростки, были у них прицепщиками. Работали днем и ночью. Меня посылали на лошадях в Богучар за семенами, солью для людей, за каким-то ещё товаром, и мы ночевали в степи, босые, полураздетые, боясь, чтобы никто не украл поклажу.

Весть о конце войны застала большинство колхозников в самый разгар весенних полевых работ. В тот день мама послала меня отвести двоюродную сестру Татьяну в соседнее село, там я и услышала о Победе по радио. Все радовались и плакали. Кто-то ждал возвращения родных, а кто-то уже и не ждал: из нашего маленького хутора в 32 двора погибло 32 человека. Вернулось немногим более десятка человек, большинство из них – раненые. Мой брат Иван после Победы пришёл домой. В 1946 году у него родилась дочка, но в 1948 году он совсем молодым умер от ран, полученных во время войны.

Есина Надежда Петровна

Есина Надежда Петровна

Война... В нашем селе у всех – проводы, а моего папу пока не брали: у него были мы – маленькие дети, которые росли без матери (она умерла в 1938 году). Но немцы наступали, и в начале 1942 г. отца всё-таки призвали. Мужчин посадили в товарные вагоны, но у Лисок состав разбомбили. Тех, кто остался в живых, привезли в Новохопёрск. И мы побежали в госпиталь узнать, жив ли наш отец. Папа был ранен в шею, нас не узнавал и скоро умер. Хоронили его в Русанове. После этого нас забрали в Новохопёрский спецдетдом с. Красное. Детей было так много, что кровати сдвигали, и мы спали поперёк на досках.

Я несколько раз убегала из детского дома. Тогда директор детдома вызвал бабушку и попросил забрать меня, обещал помогать. Так я уже летом была в Русанове. Пошла в школу. Жить было трудно, ведь бабушке и дедушке было за 80 лет. Старшая сестра уже в 12 лет работала учётчицей в колхозе, и с 8 лет все дела в доме доставались мне. Я ухаживала за коровой и телёнком, косила траву серпом и сушила её. По понедельникам таскала молоко в медпункт для больных детей (это налог). Ещё носила молоко в 3-х бидонах на вокзал в Новохопёрск, а там меняла на полбуханки хлеба.

Мы ходили на луг, собирали всё съедобное и ели. Запасали конский щавель, пекли плюшки из кукурузы с добавлением желудей, лебеды. Всё, что росло на огороде, я убирала – это была моя работа летом, а зимой другая – косить камыш, собирать сучки с деревьев. В зимнее время мы ездили на быках с большими ящиками за 7 км на железную дорогу, собирали перегоревший уголь. А в печи был вставлен чугунок, его и топили для экономии. Приходилось всего за неделю вязать пуховые платки из пуха и в воскресенье нести на продажу. Иногда мы покупали козлика на три двора, сначала стригли и делили на троих козий пух, а потом и самого козлика. Тогда были с мясом.

Один случай мне запомнился навсегда. К нам в 5 классе приходили ученики двух соседних начальных школ. Учитель решил провести контрольную работу, чтобы узнать, с какими знаниями пришли эти дети. А мы договорились, что я помогу всё решить. И всем написала контрольную. Стал учитель проверять, а у всех на «отлично»! Он пожаловался моей бабушке, и сестра побила меня...

Ещё я помню, что немцы разбрасывали с самолётов игрушки. Дети их брали, а они взрывались. У нас собирались отряды 5-7-классников и с помощью крюка на верёвке разминировали эти немецкие игрушки.

После войны я с отличием окончила Борисоглебское педагогическое училище в 1954 г., и меня направили работать в школу, где учились детдомовские дети. Затем окончила пединститут и стала работать учителем начальных классов в Губарёвской сельской школе.

Выступление Надежды Петровны в с. Губарёво на митинге, посвящённом Дню памяти и скорби.

2 октября 1969 года на торжественной линейке, посвященной памяти воинов, погибших за наше село, было решено: «Ни одно имя неизвестного героя не должно быть забыто!» Началась работа школьников по установлению фамилий тех, кто захоронен в братской могиле с . Губарёво. Полетели письма в разные места. Ответные послания были полны тепла и благодарности юным следопытам за их такую нужную людям работу:

«...Я очень взволнована и рада, что получила вашу весточку. Теперь твердо знаю, что кто-то придёт на могилу моего сына, положит цветы, почтит его память».

«…Дорогие мои детки! Вы дали мне большое утешение – разыскали могилу моего сына. Хочу приехать в Губарёво. Хоть горсть земли взять с могилы – и то легче станет на сердце».

И, наверно, самая радостная весточка: «Дорогие мои мальчишки! Вы разыскиваете моих родственников, но я жив, друзья!»

7 апреля 1971 года в Губарёвской средней школе был открыт краеведческий музей, который позже получил статус музея военной истории.

Со всей страны стали приезжать родные тех, кто пал, защищая воронежскую землю и Губарёвский плацдарм. Гости оставляли памятные записи в книге отзывов музея:

«Разрешите выразить Вам большую благодарность от родственников Процука Фёдора Григорьевича, погибшего 15 августа 1942 года...» (подписи 10 человек, дата – 15 августа 1985 года).

«...Огромное спасибо ребятам из группы «Поиск» за память о наших боевых товарищах...» (30 подписей ветеранов 232-й стрелковой дивизии, дата – 1 сентября 1990 г.).

Сегодня на братской могиле 668 имён, и работа по поиску и перезахоронению павших за село Губарёво продолжается новыми поколениями поисковиков-патриотов.

Надежде Петровне Есиной присвоено звание «Почетный ветеран 232-й стрелковой дивизии», а служивший в этой дивизии капитан Н. Клярицкий посвятил ей такие стихи:

С дивизией связана кровно — Навеки Надежда Петровна
Не ради торжественных дат, — Наш друг и почетный солдат.

Ефремова Александра Егоровна

Ефремова Александра Егоровна

Я родилась в селе Грем-Колодезь Семилукского района. К началу войны мне исполнилось 10 лет.

Ранним утром 22 июня 1941 года я провожала корову в стадо. У сельской школы на столбе висело радио, вокруг собралось очень много народа. Строгий голос сообщал, что началась война, что совершено вероломное нападение на наш Советский союз. Люди рыдали, крик стоял на всё село.

Сразу началась мобилизация на войну. Наш папа, Фролов Егор Алексеевич, был коммунистом. На тот момент ему исполнилось 35 лет. Его вскоре призвали на фронт. Осталась мама с пятью детьми: старшему Сергею – 15 лет, Марусе – 13, мне – 10, Нине – 7, самой маленькой Вале – 2 годика. Забота о хозяйстве полностью легла на наши плечи: копали огород, пасли коров, стирали, во всём помогали маме. Летом было легче, выручала зелень, свои овощи и корова-кормилица.

В 1942 году вернулся папа, весь израненный, пришёл на костылях. Еле выжил, ранили его в боях за Москву: когда переплывали реку, расстреляли их немецкие самолёты. Отца назначили председателем колхоза им. Будённого, а через несколько дней отец получил телефонограмму: «Эвакуировать колхозное хозяйство, затем свои семьи, потому что немцы близко».

В тот день мы сидели в бомбоубежище, папа приехал, забрал нас с мамой, посадил на телегу, и мы поехали в село Лосево через реку Ведуга. Старик, встретивший нас на пути, сказал, что в селе Латном уже были немцы. Галопом папа погнал лошадь, поехали мы на мост в сторону села Губарёво. Перед мостом нас встретили повозки с людьми: все возвращались назад, домой.

Тем временем самолёты начали бомбить мост, летели снаряды на людей, на скотину. Мы так плакали, мама нас укрывала как могла. Этого никогда мне не забыть.

Когда мы добрались до дома, тут же увидели, как проехали три мотоцикла, в каждом – по три немца. Злые, грязные фашисты бегали по дворам и забирали кур, яйца, постреляли у соседей гусей, побросали всё в мотоциклы и уехали. Мы были такие напуганные, мама с бабушкой даже в каски им слили молоко. Вот так три дня приезжали ежедневно мотоциклы, видимо, это была разведка, проверяли наше село. На четвёртый день прошёл танк, а следом за ним – легковые машины и немцы. Остановились они в нашем селе Грем-Колодезь.

Гитлеровцы стали благоустраиваться в наших домах, а нас выгнали в сарай без окон, на погребец с худыми стенами. Мы тоже стали обживаться, жить всё время со страхом, в ожидании беды. Валя, наша самая маленькая сестрёнка, постоянно плакала, немец ругался на маму и грозил её выбросить. Мать держала Валюшу на руках, а мы тряслись от страха, что всех перестреляют.

В школе разместился немецкий штаб, а в доме учителей жили офицеры. В совхозе им. Сталина был штаб эсэсовцев, а на окраине совхоза – большая могила. Выкапывали её сами для себя те люди, которые туда и падали. Впоследствии останки погибших перенесли в с. Семилуки, на Вышку, где сейчас находится памятник.

Однажды утром бабушка Федосья вышла на улицу, во двор, а перед ней стоит наш русский солдат. Она испугалась, но он её успокоил и попросил хотя бы какую-нибудь одежду гражданскую, чтобы переодеться. Их было пятеро солдат, они вышли из окружения и прятались в логу, в промоине. Бабушка этого солдата переодела, а вот для других солдат я носила одежду: через огород ползком, вроде бы рву траву, а сама узелок с одеждой бросала на межу. И вот так два раза я хорошо отнесла, а на третий раз вдруг услышала рык: на взгорке стоял волчище. Я закричала, одежду бросила и убежала. А сейчас, спустя много лет, думаю, что не загрыз меня этот волк, потому что солдат где-то рядом был и спас меня.

25 января 1943 г. советские солдаты выбили немцев с нашей Воронежской земли. Через наше село, мимо нашего дома двое суток шли немцы, отступали.

Стоял трескучий мороз. С пустыми руками фашисты уходить не хотели, забирали коров, чтобы их гнать до станции Касторное и дальше в вагоны, в Германию. Этих коров вели на верёвке хозяева – мальчики или мужики, которые остались в селе. Собрали большое стадо, а вокруг – немцы с собаками. Нашу кормилицу повёл брат Сергей. Когда дошли до Ведуги, мужчины бросили скот и убежали в лес, а коровы разбежались. Потом мы ходили в Старую Ведугу и разбирали своих кормилиц. Благодаря жителям Ведуги, которые загнали коров в свои сараи, мы не умерли от голода. Великая им благодарность и низкий поклон. Вернулись и мужчины, и стадо.

Отступление было страшное: школу немцы взорвали в час ночи. Взрыв был такой, что в нашей хате выбило окна, дверь слетела с петель, а нас разбросало по всей хате. Учительский дом, где жили офицеры, они сами и сожгли, чтобы никому не досталось. Столько было пережито, не описать словами.

…Немцы ушли, мы начали обживаться всем колхозом, в котором осталось две коровы и одна лошадь. Трудно работать на земле, нечем обрабатывать. Пахали на своих коровах, и до слёз жалко было смотреть на этих бедных животных. Но лозунг был один: «Всё для фронта! Всё для победы!»

Мы со сверстниками дневали и ночевали в поле, делали всё, что могли. А когда приходили домой, бабушка Федосья, наша великая труженица, сажала нас при лампе, при свечах вязать носки, варежки (а вязали мы всей семьёй) и приговаривала со слезами на глазах: «Может варежки или носочки оденет мой сыночек». Отправляли посылки на фронт с такими вот вязаными вещами.

Страшная война закончилась, много десятков лет пошло, а память жива всегда.

За время войны из нашей семьи были призваны на фронт:

Фролов Григорий Алексеевич, погиб;
Фролов Роман Алексеевич, погиб;
Фролов Василий Алексеевич, погиб;
Фролов Егор Алексеевич;
Фролов Пётр Алексеевич;
Ворошилин Терентий Евгеньевич, погиб;
Решетников Николай Евгеньевич, погиб;
Из них вернулись только два брата:
Егор и Пётр.

Эти строки о войне я учила с детьми, когда работала воспитателем в детском саду:

Июнь. Число 22-е. Далёкий 41-й год.
То время грозное и злое
Забыть нам память не даёт.
Жила страна наша, мужала,
Гордилась славною судьбой,
А враг точил стальное жало,
Чтоб развязать кровавый бой.
Круша дома, надежды, судьбы,
Война к нам смерчем ворвалась,
Смешала праздники и будни
В четырёхлетний ратный час.
Четыре года шли к победе,
Четыре года кровь лилась,
Но знаем мы все на планете:
Нам мир и жизнь наш Воин спас.

Кирюшина (Котова) Фаина Ивановна

Кирюшина (Котова) Фаина Ивановна

Когда началась война, мне было 3 года.

В 1941 году отца отправили на фронт. Мама осталась одна с тремя детьми.

В мае 1942 года папа погиб. Маме нелегко было одной растить трёх девчонок.

Мама трудилась с утра и до вечера, всю жизнь проработав дояркой в колхозе.

Много горя и испытаний выпало на её долю, но я не припомню, чтобы она нас когда-то наказывала.

Мама всегда старалась убедить и объяснить, если что было не так, а, мы, три сестры, помогали ей, чем только могли.

В послевоенные годы перенесли и голод, и холод.

Благодаря нашей маме, мы честно жили и добросовестно трудились.

Семья Котовых: мама, бабушка и три дочери.

Кувакина Матрена Дмитриевна

Кувакина Матрена Дмитриевна

Я родилась в 1924 году в селе Перлёвка в крестьянской семье. Мой отец, Мещеряков Дмитрий Петрович, пропал без вести в 1942 году. Мать осталась одна с шестью детьми.

Немецкие войска ворвались к нам летом и первым делом повыгоняли всех из домов. Люди стали рыть себе землянки, а наша семья не смогла, потому что мать болела астмой, и мы, пока было тепло, ютились под навесом над погребом. С наступлением холодов нас пустила сердобольная женщина жить в бане. Её семья спала на полку, где люди парятся, а мы все – на полу.

Фашисты отбирали у людей скот, сады повырубали под топку печей в захваченных домах. Нас гоняли чистить снег, чтобы не буксовали машины. Мы всегда работали ночью с надзирателями, они на нас кричали, чтобы мы быстрей всё делали. Днём рыли бункеры для укрытия машин от бомбёжки. Земля была мёрзлой, и мы её кололи кирками.

Произошёл случай, который мне никогда не забыть. Был морозный и ветреный день, мы находились на дне бункера, а надзиратель наверху. Одна женщина из нашей бригады стала громко проклинать оккупантов: «Чтобы вы все подохли, чтоб вас поубивали на фронте, изверги, звери, нелюди, кто вас звал сюда?!» Тут подходит другой солдат, только без винтовки. Услышав проклятия, говорит ей: «Женщина, больше не делайте этого. Некоторые немцы знают русский язык, за такие слова вас могут расстрелять». Это был переводчик-украинец.

25 января 1943 г. освободили наше село, а весной нас привезли в посёлок Семилуки восстанавливать огнеупорный завод. Я награждена медалью «За трудовое отличие» и 4 юбилейными медалями. Инвалид 2-й группы, ветеран войны и труда, труженик тыла.

Валентин Сидоров,
в г. Семилуки поэту установлен памятник на берегу р.Дон.

Отрывок из стихотворения «ЛЕБЕДА»

Пускает корни лебеда.
Пускай растёт. Она права.
А мне и нынче лебеда
Не просто так — трава.
Не стороной война прошла,
Не обошла нуждой.
И лебеда для нас была
И хлебом, и едой.
В тяжёлой ступе лебеду
Мы сокрушали, как беду.
Я помню, как месили хлеб
В заржавленном ведре
На лебеде да на воде,
На ключевой воде.
Бока мякинные мягки.
Пирог из печки плыл.
В нём только горсточка муки,
Чтоб запах хлеба был.
Пирог на стол. Есть хочешь? Ешь!
Отстала корка. Мякоть режь.
Мы ели хлеб за кусом кус.
И горек был тот хлеб на вкус.
И сладок был. И не остыл,
Как подобает пирогу.
И ел я хлеб. И телом креп.
Назло войне. Назло врагу...

Красова Нина Никитична

Красова Нина Никитична

Я расскажу, какие испытания пережила моя семья в годы Великой Отечественной войны.

В воскресенье, 22 июня, мы, группа подростков, собрались на озеро. Вдруг на улице послышались крики: «Война, война!» Это на разные голоса закричали и взрослые, и дети. И я, и все мои сверстники быстро почувствовали, что окончилось наше беззаботное детство. Моего отца сразу же призвали в армию. Вскоре стали приходить похоронки…

Мама стала готовиться к отъезду со мной и моим годовалым братиков Аликом в посёлок Семилуки Воронежской области. Оформив все документы и сдав все вещи в багаж, через месяц мы уехали. В Семилуках забронированная квартира оказалась занятой беженцами, и мы поселились у моей тёти, Кулаковой Матрёны Сергеевны. Осенью я должна была перейти учиться в 3-й класс, но мать не пустила меня в школу и определила нянчить троих маленьких детей: Алика и двух двоюродных братиков – Вовика и Шурика. Мать устроилась работать прачкой. Через месяц пришёл багаж, и мы решили переехать в село Вязноватовка Нижнедевицкого района. Там мама вступила в колхоз.

Нам выделили земельный участок в 50 соток. И мы там жили всю зиму. Питались, обменивая вещи на продукты. Меня и здесь определили в няньки для троих малышей. Мама и тётя ходили работать в колхоз.

Весной посадили весь свой участок, а когда всё взошло, пропололи его и решили съездить в Семилуки, проведать родственников. Если в с. Вязноватовка, находившемся в 50-ти километрах от г. Воронежа и в 18-ти километрах от ст. Курбатово, было относительное затишье, то здесь, в Семилуках, часто по радио объявляли: «Воздушная тревога! Воздушная тревога! Всем спуститься в бомбоубежище». В целях светомаскировки в ночное время окна занавешивали тёмным полотном. Вдруг перестали объявлять сигналы, но так как мы постоянно слышали гул самолётов, то сами спускались в бомбоубежище. Все, кто мог, переправлялись на лодках или на пароме на левый берег и уходили из Семилук. Мои две тёти вместе с детьми решили перебраться в с. Девица, расположенное в 10-ти километрах от Семилук. Звали и нас, но мы отказались в надежде уехать в Вязноватовку.

Чувствовалось, что фронт приближается к Семилукам, и мы смирились. Мы сидели в бомбоубежище уже несколько дней. И однажды нам показалось, что звуки канонады стали раздаваться где-то вдалеке. И мы поняли, что бои идут уже не в Семилуках, а чуть дальше. Люди с опаской стали выходить из бомбоубежища. С нами там была ещё одна наша родственница, тётя Дуся, жена моего дяди Тихона. Посоветовавшись с ней, мы решили пойти на её огород за картошкой. Участок находился в полутора километрах от нашего дома, на берегу реки Дон. Накопав три авоськи картошки, мы уже собрались возвращаться назад, как вдруг на дороге показалась огромная толпа людей. Они шли медленно, с опущенными лицами, в которых чувствовалась усталость. Это были женщины с малышами на руках, дети различных возрастов и старики. С обеих сторон толпы шли вооружённые немцы с

собаками на поводках и полицаи с белыми нашивками на рукавах. Вдруг Раечка, моя двоюродная сестра, сорвалась с места и с криком помчалась к этой толпе. Я бросилась её догонять. Догнала, схватила на руки. Но в этот момент кто-то сильно толкнул меня в толпу. Я чуть не упала, но меня подхватили чьи-то руки. Мы огляделись. Стали расспрашивать рядом идущих людей о том, что происходит. Выяснили, что это мирные жители правобережной части Воронежа.

Пришлось нам идти в общей колонне, подгоняемой конвоирами. Миновали Семилуки. Я поняла, что нас гонят в сторону станции Латная. Пыль стояла столбом, так как мимо проезжали немецкие мотоциклы и машины. Постоянно слышались слова-команды на немецком языке: «Шнель! Шнель!» Во время этого отрезка пути, от Семилук до Латной (это около 15 километров), я видела, как падали на землю обессилевшие старики и дети. Их старались поднять рядом идущие, какое-то время тащили волоком, а потом и сами падали без сил на землю. В такие моменты в толпу врывались конвоиры с собаками. Псы хватали тех, кто оставался лежать, волокли по земле, разрывали на части. На это невозможно было смотреть без содрогания…

Когда миновали ст. Латная, люди вдруг разом стали падать на землю, один за другим. И тут послышалась команда на русском языке: «Ложись!» Это, по-видимому, скомандовали полицаи по разрешению немецких конвоиров. Вся эта огромная толпа людей повалилась на землю, давя друг друга. Вначале раздавались крики, а потом были слышны только стоны. У многих на какое-то время отключилось сознание. Конвоиры тоже улеглись на отдых. Стояла неимоверная жара. Хотелось тут же на этой пыльной дороге и умереть, но раздалась команда: «Подъём!», потом непонятные крики немцев, похожие на лай собак. Конвоиры прикладами и пинками долго не могли поднять людей. Стали на нас натравливать собак. Толпа приобрела вид шатающейся из стороны в сторону живой массы, которая какое-то время качалась на месте. Приклады, плётки, собаки – всё было пущено в действие. Наконец, медленно сдвинулись с места и поплелись по дороге, еле передвигая ноги. И опять люди падали замертво...

Наконец, нас втиснули за изгородь. Это оказался огромный загон с высокими столбами, врытыми в землю, обвитыми в несколько рядов колючей проволокой. Крики конвоиров прекратились. Мы поняли, что наши мучения на сегодня окончились. До рассвета все лежали на земле вповалку, кто где упал.

Утром всю толпу людей подняли и начали резко сдвигать в одну сторону. Сдавили так, что нечем стало дышать. Затем с помощью прикладов от общей толпы отделили небольшую группу, из которой выхватывали и отшвыривали в сторону молодых парней и девушек. Такая процедура продолжалась до тех пор, пока не пересортировали всю людскую массу этого «загона». Подошёл состав с товарными вагонами, и всю отобранную молодёжь стали туда погружать. Всё время, пока шла эта погрузка, раздавались крики: «Мамочка, я не хочу никуда ехать!», «Мамочка, не отпускай меня!», все рыдали... К вечеру в лагерь пригнали новую измученную толпу людей. Это были жители нашего посёлка Семилуки и из соседнего села с таким же названием. Мы увидели многих знакомых. Наутро опять началась сортировка людей и отправка в товарных вагонах неизвестно куда. Снова крики и стоны детей и их матерей. Слышался шёпот, что молодёжь повезут в Германию. За эти несколько дней, что мы были в лагере, узнали, что нас пригнали на станцию Курбатово…

Я часто, как и многие дети, подбегала к колючей проволоке и ловила или подбирала с земли еду, брошенную нам сердобольными местными жителями. За колючую проволоку нам люди бросали варёную картошку, свёклу, лепёшки, яблоки…

Грудной Витя, сын тёти Дуси часто плакал, и она кормила его грудью. А на третьи сутки он вдруг замолчал. Мать начала его тормошить, а он не подавал никаких признаков жизни. «Кума, – обратилась она к маме. – Витюшка, кажется, умер. Потряси и ты его».

Мама трясла его, а он молчал. А к вечеру от трупика пошёл запах. Узнав об этом, конвоиры подбежали к тёти Дусе, вырвали из её рук свёрток с ребёнком и понесли неизвестно куда. Она с криками кинулась за ними, упала на колени, протягивала руки, затем пластом упала на землю. Мама подняла её со словами: «Раечку пожалей. Будешь кричать, они убьют тебя».

Выступление Нины Никитичны на ТВ, 1966 г.

А людей всё пригоняли и пригоняли в лагерь. Подходили составы, и их грузили в телячьи вагоны. Нас тоже погрузили и повезли. В пути тётя Дуся, наконец-то, очнулась. Она всё время прижимала к себе Раечку, словно боялась её потерять. В вагоне была неимоверная жара, стоял тяжёлый запах. Наконец, поезд остановился, и нас стали выталкивать из вагонов. Особенно старались полицаи. И опять погнали нас пешком в сторону сёл и деревень. По пути распределяли по хатам. Мы тётю Дусю с Раечкой потеряли из виду. Во двор первой хаты одного из сёл нашу семью конвоиры втолкнули, что-то прокричав выбежавшей на крыльцо хозяйке. Она молча повела нас в хату. Начала расспрашивать, кто мы и откуда. Мы ей о себе всё подробно рассказали. Она организовала нам баню, накормила. А вечером пришёл староста и велел нам завтра утром идти на работы. Так началась наша жизнь в селе Бараново Курской области.

Нашу хозяйку звали Наташей. Для начала она определила нам место на лежанке в сенях. Мама попросила у неё разрешение положить топор в изголовье. «На всякий случай», – объяснила ей мама. Наталья сказала, что на работу гоняют и взрослых, и детей. Для малышей (от грудничков до 8 лет) в коровнике отгородили место, где они и были, пока их матери работали. Следили за ними старушки. Никто нас не кормил. Что брала из еды хозяйка, то и ели вместе с ней. Первые дни беженцы, ослабленные во время мучительных переходов, падали в обморок. Их обрызгивали водой, давали немного отлежаться и опять заставляли работать. Приходили домой еле живыми от усталости, так как работали от зари до зари, с небольшими перерывами для приёма пищи. Местные жители относились к нам хорошо и делились всем, чем могли…

Как-то, придя с работы, мы поели и рано легли спать. Вдруг среди ночи в дверь сенцев кто-то громко постучал. Послышалась немецкая командная речь. Хозяйка, открыв дверь, сумела убежать. Ввалился немец с фонариком, увидев полураздетую женщину, воскликнул: «Гут, панинка!» и протянул руки к маме. Тут ему под руки попалась моя нога, и немец сбросил меня на пол. Мать с криком набросилась на него. Завязалась борьба. Мама, будучи от природы сильной и ловкой, оказалась верхом на пьяном немце. Руками сдавила ему горло и крикнула мне: «Нина, бери топор и тюкни его по лбу». Когда я его «тюкнула» он захрипел и перестал бороться. Решив, что мы его убили, вместе с мамой оттащили его на луг, а утром бежали из села. Добрались до с. Вязноватовка пешком. Первые дни, боясь

погони, шли только ночью. Днём прятались в стогах. Я заходила в сёла и просила милостыню…

Добравшись до Вязноватовки, мы тёте не стали рассказывать о наших странствиях, и она решила, что мы прибыли из Семилук, сообщила о нас старосте. Он посоветовал ходить на работу вместе со всеми сельчанами…

Один раз я не смогла идти чистить снег, так как болела золотухой. Полицай стащил меня с печки, бросил на пол и стал избивать дубинкой и пинать ногами.

На мой крик в хату забежали соседские ребятишки, набросились на полицая и отбили меня от него.

Всё моё тело было в синяках, но жаловаться было некому. Все плакали, глядя на меня – постанывающую и в кровоподтёках.

В конце января 1943 года село Вязноватовка было освобождено. Весной мы посадили огород. Всё лето и осень я вместе с мамой ходила работать в колхоз.

В конце октября мы возвратились в Семилуки, забрав с собой весь урожай со своего огорода и зерно, полученное за трудодни. В эту зиму мы не голодали.

После двухлетнего перерыва я пошла учиться в 4-ый класс, минуя третий. По приезде в Семилуки мы получили похоронку с сообщением о гибели под Смоленском моего отца, Пенькова Никиты Ивановича.

Когда все запасы еды, привезённые из Вязноватовки, закончились, мы стали голодать. Я ещё могла терпеть, так как знала, что скоро придёт Победа, и жизнь станет прекрасной, какой была до войны. А мой трёхлетний братик постоянно требовал хлеба. «Хлебца, хлебца», – кричал он.

Я, получая по карточкам хлеб на семью, просила продавщицу отрезать для братика ломоть от нашей буханки. От этого куска я отщипывала ему по малюсенькому кусочку. Он его съедал и тут же требовал ещё. А когда этот ломоть оканчивался, я брала братика на руки и уговаривала его потерпеть до прихода мамы на перерыв. И тогда она покормит его супчиком с хлебцем. А он жалобно спрашивал: «А можно хлебца без супа?»

Наконец, 9 мая 1945 года пришла Победа. Ликовал народ всего мира. А я плакала навзрыд, шёпотом и вслух произнося: «Папочка мой любимый! Может, ты не погиб? Может, ты лежишь, где-то в больнице без памяти? Скорее выздоравливай. Я так тебя жду!», но я его так и не дождалась. Встречая Дни Победы, всегда плачу…

Красова Нина Никитична на отдыхе в санатории.

Мой трудовой стаж – около 50 лет, из них более 30 лет я проработала на огнеупорном заводе.

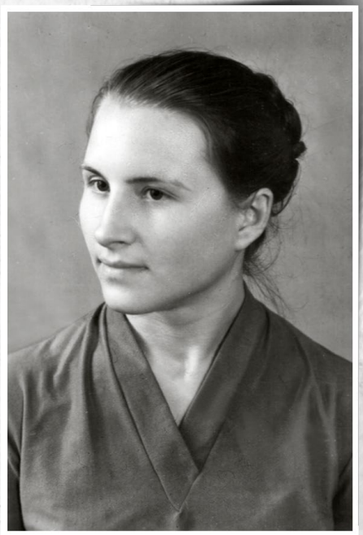
Имею статус труженика тыла, малолетний узник концлагеря.

Мне присвоено звание «Ветеран труда». Награждена многочисленными медалями.

Более 60-ти лет участвую в художественной самодеятельности.

Несколько лет назад стала писать книги. С 2016 по 2019 годы выпустила 9 книг, из них одну о несовершеннолетних узниках концлагерей и две – о детях войны.

Кулакова (Авраменко) Тамара Андреевна

Кулакова (Авраменко) Тамара Андреевна

Начало Великой Отечественной войны наша семья встретила в Семилукском районе. Отца моего, Авраменко Андрея Григорьевича, накануне войны призвали служить в армию. Мама переехала к бабушке в село Девицу.

Я родилась в 1938 году, маленький брат Александр – в 1940-м. Пожили у бабушки совсем недолго – началась война. Отец уже был на фронте, он служил в пограничных войсках. Все наши родственники-мужчины (в том числе, трое маминых братьев) тоже ушли на фронт.

В начале лета 1942 г. фашисты дошли и до наших краёв. Начались страшные бомбардировки, не прекращающиеся ни днём, ни ночью. Это была битва за Воронеж и железнодорожный мост в Семилуках.

Пришли фашисты и выгнали житей из домов, а сами туда заселились. Люди ночевали в окопах и уцелевших сараях. И тут немцы стали сгонять молодёжь. Стариков не брали. Детей посадили на телеги, запряжённые лошадьми, а взрослые шли пешком. Погнали на ст. Латная. В этом обозе оказались бабушка, мама с детьми и мамина сестра Мария. Нас загнали на огороженную территорию, охраняемую жандармами и собаками. За периметр выходить не разрешали. Ночью было холодно – наступил сентябрь. Примерно через сутки подогнали товарные вагоны (мы их называли телячьими) с маленькими оконцами и дверью, закрывавшейся снаружи. Когда всех погрузили, закрыли двери, дали сигнал к отправке. Ехали мы недолго – до станции Курбатово, а уж там был настоящий концлагерь, большая территория, огороженная, с вышками.

В Курбатово нас не кормили. Местные жители что-то перебрасывали, взрослые всё отдавали детям. Наконец, подали вагоны, снова погрузили. На этот раз ехали довольно долго, но неожиданно состав остановился. Оказалось, в результате бомбёжки железнодорожные пути были разбиты, а затем объявили, что мы находимся в Курской области, и дальше состав не пойдёт. Все выскочили из вагонов и бросились убегать по близлежащим деревням.

Мы попали в Фатежский район, деревня Озерки. Там поселили в пустующий дом всех нас – целых три семьи с детьми. Ни есть, ни пить нечего. Кормились тем, что дадут жители. Ходили побирались. Собирали семена лебеды и пекли лепёшки. Зимой всё засыпало снегом, и чтобы добыть семена, лазили по пояс в снегу.

Слышалась канонада, ночью были видны огромные зарева. Как нам сказали, это были бои на Курско-Орловском направлении. В нашу деревню по ночам стали приходить разведчики и сообщили, что в январе 1943 г. освободили Воронеж. Радости не было предела. Мы собрались в дорогу. Нас с братом посадили на стеренькие санки и отправились пешком домой. Проезжали как-то через станцию Щигры, там недавно прошёл бой. Картина была ужасающая: трупы убитых немцев и русских лежали в штабелях, огромное количество разбитой техники, поле всё выжжено, снег растаял. Ехали чуть ли не по трупам.

На 14 сутки в феврале мы добрались до дома. Дом уцелел, но в нём ничего не осталось. Когда мы уезжали, выкопали картошку, но всё было разграблено. Нас ждал голод.